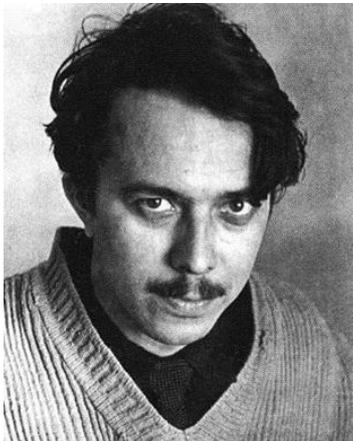

ПРЕМИЯ "ДИАС"

Шестой год подряд на соискание премии «ДИАС», носящей имя казанского писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010), поступают сотни заявок со всех уголков земли и лучшие из лучших получают призы – шары из натурального камня как философский символ будущего, безграничности, объединения, как память о том, что сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета. По-прежнему девизом премии остаются

слова писателя:

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

В VI сезоне поступило свыше 200 заявок от авторов из России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Израиля. Итоги премии оглашены 1 июля, в день рождения Диаса Валеева.

По словам члена жюри премии Елены Сафроновой, «у номинаций премии уникальные названия: «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба». Это не только аббревиатура имени Валеева, но и комплекс жизненных ценностей и смыслов, как их сформулировал мыслитель...»

Лауреатами в номинации «Дело» в этом году стали **Сергей Грачёв** (Московская обл., г. Подольск), **Алинда Ивлева** (Ленинградская обл., г. Никольское), **Анатолий Куликов** (Самарская обл., г. Тольятти).

Обладателями премии в номинации «Имя» названы **Александр Гуляев** (г. Тула), **Фарит Ишмуратов** (Башкортостан, г. Уфа), **Илья Таранов** (Ульяновская обл., с. Арское).

Номинация «Абсолют» представлена лауреатами – **Татьяной Гоголевич** (Самарская обл., г. Тольятти), **Алексеем Колесниковым** (г. Белгород), **Маратом Шафиевым** (Азербайджан, г. Баку).

Победители в номинации «Судьба» – **Станислав Григорьев** (г. Москва), **Марина Кравец** и **Елена Шумара** (обе г. Санкт-Петербург).

В составе жюри были известные российские литераторы, победители премии «ДИАС» прошлых сезонов: **Шахриза Богатырёва** (Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск), **Дмитрий Воронин** (Калининград), **Лариса Галушина** (Архангельская обл., г. Северодвинск), **Алексей Жуков** (Латвия, г. Рига), **Егор Куликов** (Московская обл., г. Люберцы), **Юрий Мышев** (Татарстан, г. Тетюши), **Елена Сафронова** (г. Рязань) и **Елена Севрюгина** (Московская обл., г. Мытищи).

Хочется привести слова члена жюри премии одного из предыдущих сезонов **Елены Крюковой** (г. Нижний Новгород):

«Что такое литературная премия? Это отнюдь не жажда, чтобы тебя обласкали и заметили. Хотя вся соль премиального пространства именно в отборе лучших и их награждении. Премия – и в литературе, и в других областях деятельности человека – это событие, где есть два главных, ведущих момента: соревнование и находка.

Соревнование, состязание – естественное для человека состояние: быстрее, выше, сильнее! – в спорте; интереснее, креативнее и важнее для людей – в науке... а что же в искусстве?

Внутри пространства премии ДИАС – это возможность обнаружения, нахождения оригинального, нового творческого имени. Находка в геологии – это золото, алмаз, нефть, руда. Земля отдаёт богатства, если ты их обнаружишь. Художник отдаёт людям свои сокровища. Время, события, дела, иные имена и иная информация наслаиваются пластами, накладываются друг на друга.

Трудно в потоке, в стремнине, в скрещении, в гигантском массиве современных текстов открыть воистину новое, небывалое. Премия «ДИАС» придумана именно для этого. Ведь она – имени **Диаса Назиховича Валеева**, а он сам был художником, философом, футурологом: пророком, как любая крупная личность, имеющая в жизни смелость напрямую работать с огненной материей Времени».

А вот что пишет Елена Севрюгина из подмосковных Мытищ, постоянный член жюри премии «ДИАС»:

«Мне как члену жюри всегда интересно наблюдать за ходом событий, знакомиться с рассказами участников. В этом году, что не удивительно, было много работ, посвящённых теме СВО. Что поделать – мы живём в такое время. Но тем интереснее было читать рассказы, уводящие от политики в сферу чистого искусства. И тем приятнее, что среди работ-фаворитов попадались и принадлежащие тем авторам, которые хорошо запомнились и полюбились мне ещё с прошлого года...

...Для счастья нужно не так уж и много: быть верным себе и быть преданным любимому делу. Именно этой преданности своему делу я желаю всем участникам конкурса и ещё раз всех благодарю за чудесные открытия и радость прочтения».

Мы предлагаем вниманию читателей работы, получившие приз симпатий учредителя премии «ДИАС».

*Галина Булатова, учредитель и организатор
Международной литературной премии «ДИАС»*

Елена АДИНЦОВА, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

ДНР, г. Донецк

Елена Адинцова – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей ДНР и России. С 2004 по 2014 год руководитель и выпускающий редактор двух культурно-информационных изданий. Участник более 60 сборников поэзии и прозы периодических изданий ДНР, России Австрии, Израиля, США, Индии. Победитель и дипломант конкурсов.

Виктория Семибратская – поэт, прозаик, интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце». Участник более 150 коллективных поэтических сборников, литературных журналов, выходящих в ДНР, России, Сербии. Дипломант международных конкурсов. Авторы идеи и составитель альманахов «Три четверти столетия Победы», «Герои городской застройки». Член Творческого союза «Союз писателей ДНР» и Союза писателей России. В соавторстве с Еленой Адинцовой (вместе пишут с 2018 года) – дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Катя всматривалась в горизонт. Над бескрайней морской гладью творилось таинство рождения нового дня. Ночь отступала шумно, под аккомпанемент работающего ПВО. Девушка тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли. Копна рыжих волос рассыпалась по плечам. Катя прикрыла глаза, подставляя лицо первым лучам восходящего солнца. На миг ей показалось, что три стихии соединились в ней: море, ветер и земля. Её земля. Необъяснимое предвкушение праздника охватило девушку.

Дни, заполненные работой в заповеднике, и вечера, занятые плетением маскировочных сетей для нужд фронта, походили один на другой. Сотни раз знакомые и незнакомые люди предлагали ей сменить ставшие опасными для жизни места на более спокойные. Но разве Родину в трудные времена возможно сменить? Можно только сбежать. Сделать это Катя не могла. Отсюда ушли воевать отец и брат, а значит, она и за них несёт вахту хранительницы древней Меотиды. Всё что ей дорого – дыхание моря, шёпот степи, гнездовья птиц, требовало защиты.

* * *

– Древние называли наше Азовское море Меотским озером и даже болотом, – говорит отец.

Катя стоит по пояс в тёплой морской воде, ей неохота выбираться на сушу. Папа умный, папа много знает. Но девочка всё равно недоверчиво переспрашивает:

– Болотом? – и опускает взгляд.

Сквозь прозрачную воду видит пальцы своих ног, шевелит ими и заразительно хохочет.

– Не верю! Болото не такое! – сложив ладошки лодочкой, ныряет на мелководье, сверкнув пятками.

Отец смеётся. Ловко перехватывает Катю и кружит её в согретой солнцем воде.

– Ещё! – требует она, заметив, как отец направляется к берегу. – Я люблю море, как рыба, – заявляет она.

– Да? – отец останавливается и, склонив голову на бок, делает вид, что разглядывает дочь. – Может ты и есть рыба?

– Нет! Я девочка! Я знаю, это место назвали Меотидой, потому что море кормило людей, которые здесь поселились. Ты уже рассказывал.

– Уже рассказывал? – брови папы картинно ползут вверх, демонстрируя удивление. Но он тут же одобрительно улыбается. – А ты молодец, запомнила. Человек должен знать историю родной земли.

* * *

Катя вынырнула из толщи воспоминаний, поправила лямки увесистого рюкзака и свернула на узкую тропу. По обочинам дорожки теснился колючий кустарник с бурой корой – дикий терновник. Под ногами хрустнула сухая ветка. Катя вздрогнула от резкого звука – условный рефлекс, выработанный за долгие годы обстрелов.

* * *

– Мама, почему укры хотят нас убить? – маленькая Катя заглядывает в глаза матери, ждёт ответ.

Женщина молча целует дочку в макушку.

– Уроды они, фашисты недобитые, – сквозь зубы отвечает старший брат Максим.

– Я тоже пойду на похороны Сергея, – шепчет Катя, сжимаясь от страха, что её не возьмут.

Серёжку, её одноклассника, два дня назад убил осколок мины на школьном футбольном поле.

– Нет, будь дома, – отрывисто произносит мать. – И во двор ни ногой.

– Нина, – тихо говорит отец, – пусть попросается, они же с детского сада дружили.

* * *

Пока жив – память не стереть. Катя замедляет шаг. Перед глазами Сергей в сколоченном наспех гробу. Вечный непоседа, мечтающий стать великим футболистом, непривычно неподвижен. Груз 200*. За простой цифрой страшная математика войны.

Девушка смахивает с лица невидимую паутину воспоминаний. Ещё одна немирная весна. Холода отступили. Почва впитала благодатную влагу талых снегов, чуть подсохла, выдохнула нежными первоцветами. Земля не признаёт войны. Она противостоит ей жизнью и многоцветьем. Фиалки, лютиковые, гиацинты, тюльпаны и пионы – её многочисленное войско. Катя вслушивалась в птичий гомон.

Недавно приезжала бывшая соседка из Донецка, рассказывала, снаряд прилетел прямо во двор, осколками посекло всех голубей. Окровавленные тельца лежали повсюду, но ни один человек не пострадал. Птицы прикрыли людей собой. Настоящее чудо.

Все события последних лет вечным оттиском в памяти. Жизнь разделилась на «до» и «сейчас». В довоенном времени осталась беззаботная радость познания мира.

* * *

– Неужели сам сделал? – интересуется отец, рассматривая дрон.

Максим кивает.

– Это пробный вариант, пап, очень хочется виртуально «полетать» вместе со стаей. Завтра попробую, – скороговоркой отвечает брат.

– Вместе попробуем, – решает отец.

– Папа, расскажи ещё про кудрявых пеликанов! – Катя вертится рядом.

– Почему именно про пеликанов, дочка? – интересуется родитель.

– Расскажи ей, что пеликаны давным-давно были драконами, – поддерживает просьбу брат.

– Сказку? – не скрывает разочарования девочка.

– Не сказка, дочь, суцая правда. Пеликаны – прямые потомки летающих ящеров. Из Средневековья дошла до нас легенда о пеликане. Однажды весной прилетела стая птиц на небольшой остров. У пеликана

и его возлюбленной появились два птенца. Пеликан отличный добытчик, умелый рыбак, он сумел бы прокормить семью. Да только пришёл человек и отнял весь улов. Человеку радость, птицам неминуемая смерть. Нахмурилось небо, потемнели волны. Неужели погибнет потомство из-за людской алчности? И тогда расклевал себе пеликан мощным клювом рану, и потекла кровь. И стал он кормить тёплой кровью своих голодных птенцов.

* * *

Кровь во все времена. Всегда одна плата – кровь, за любовь, за жизнь, за свободу. Катя остановилась. Запрокинула голову. Два рваных облака слились в одно, преображаясь в огромную белую птицу с гигантским размахом крыльев.

В тот год, когда пеликаны покинули ставшие беспокойными земли, отец ушёл в ополчение. Катя остановилась, сняла рюкзак, присела на корточки, аккуратно вынула дрон. Не тот, что смастерил брат. Первый удачный «птицелёт», сделанный своими руками, Максим отдал отцу, ополченцам он был нужнее.

– Камера хорошая, для разведки самое то, держи, – протянул «птичку» парень.

Эх, видел бы Максим результат работы младшей сестры, наверняка гордился бы ею. Сколько всего пришлось изучить, да и найти нужную начинку тоже было непростой задачей. На новую цифровую камеру для точной съёмки она откладывала деньги почти год, и без помощи друзей всё равно не успела бы к новому сезону. И вот сегодня настал момент истины.

Взгляд девушки остановился на золотой головке тюльпана Биберштейна. Катя коснулась пальцами солнечного колокольца. Вместо звона раздалось рассерженное бурчание шмеля, потревоженного за завтраком. Девушка засмеялась доброму знаку.

* * *

– Ну, теперь ты королева пеликанов, – Максим наклонился, шутливо чмокнул сестру в щёку. А я к батю, видишь, не справляются без меня, – брат пытался шутить, но в глазах вместо смешинки отражалась решительность.

Мать обняла сына.

– Возвращайтесь. – пожелала кратко.

А что ещё сказать? «Береги себя» – нет на войне глупее фразы.

Мирный дрон ожил в Катиных руках, плавно взмыл и лёг на курс. Пара мгновений, и на экране появилась картинка – на берегу и в небе тысячи птиц. Девушка не отрывала взгляд от монитора. Тонкие пальцы легко двигались по панели управления. Крупный план. Ёкнуло сердце.

Он выделялся среди остальных. Белый красавец со светло-серой спиной и хохолком на затылке возвращался из полёта. Катя замерла. Не может быть! Крепко зажмурила глаза и досчитала до десяти. Снова уставилась в дисплей. Птица приводнилась на перепончатые тёмно-серые лапы, складывая мощные крылья размахом, точно, все три с половиной метра. Массивное туловище мягко заскользило по глади. И тут же голова исчезла под толщей воды. Значит, проголодался. Ещё мгновение, он вскинул голову, изгибая длинную шею, подбросил добычу, ловко поймал клювом и отправил рыбу в раскрывшийся красновато-жёлтый кожаный мешок.

Губы девушки растянулись в улыбке, а в правый глаз, кажется, попала соринка. Катя заморгала. Нет, она не собиралась плакать. Обычная история, зов родной земли пересилил все обстоятельства войны. Случившееся отозвалось непривычным ощущением в груди. Волна тепла, набирая силу, растекалась по всему телу. Катя не выдержала, широко раскинув руки, закричала пронзительно и громко, как чайка, подающая голос птенцам, когда они улетели далеко и могут заблудиться.

Спустя годы пеликаны вернулись домой. Время гнездования началось. С Победой и в наши дома вернётся мир. Всё будет как раньше: папа, мама, брат, Катя и их пеликаны. Нет! Всё будет лучше, всё обязательно будет лучше.

** Термин «груз-200» употреблён не ошибочно. На Донбассе – другая война. Десять лет по городу ездят машины с телами убитых гражданских с табличками «200» на лобовом стекле. Более того, по сводкам полиции внутри ведомства после обстрелов цифры о пострадавших проходят именно так: 200 – столько-то, 300 – столько-то. Это сегодняшний день Донбасса.*

Юрий БОГАТОВ

Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани

Юрий Анатольевич Богатов родился 9 апреля 1960 г. на хуторе Ново-Покровка Крымского района Краснодарского края. Окончил РГУ по специальности «Журналистика». Работал в СМИ ГДР, СССР, России. Состоит в Союзе журналистов России. Публикуется в газете «Литературная Россия». Заслуженный журналист и «Золотое перо Кубани». Магистр Международного фонда ВСМ. Победитель и лауреат международных и российских литературных конкурсов. Дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ОТЕЦ

Анатолий Сергеевич перемигивался с озябшим декабрьским солнцем, завистливо заглядывавшем в окно хорошо отапливаемого цеха, где рабочие колхозных мехмастерских «лечили» сельскохозяйственную технику, «раненную» во время ежегодной битвы за урожай. Как всегда, всё у него ладилось. Из-под рук мастера выходило очередное сердце, на сей раз комбайна, готовое бесперебойно биться всю следующую уборочную кампанию. Мотор отражал новой смазкой проникшие-таки в помещение сквозь мутное стекло дрожащие солнечные лучи, и они сливались в улыбку на лице довольного своей работой «кардиолога»-моториста.

Но как часто бывает на Юге зимой, погода мгновенно переменилась. Невесть откуда налетевшая вьюга швырнула в окно обильную пригоршню снежной крупы, и её ледяными когтями принялась с ожесточением царапать стекло. Испугавшись душераздирающего скрежета, солнце метнулось за грязно-серые снеговозы-тучи. В цехе включили освещение.

– Сергеич, слышал новость? – весело спросил инженер по охране труда, вчерашний студент сельхоза, проверявший освещённость рабочих мест.

– Да знаю – сегодня католическое Рождество. Какая ж это новость?! – продолжая улыбаться неизвестно чему, ответил рабочий.

– При чём здесь Рождество? – торопливо возразил молодой специалист. – Наши вошли в Афганистан!

– То есть как это вошли?

Улыбка моториста, повторив спешный манёвр солнца за окном, скрылась за новорождённой тенью, лёгшей на лицо от инженера, заслонившего собой лампу испытательного стенда.

– Ну, да! Ограниченный контингент войск.

И без того темнело уже рано, а тут ещё Снежная Королева стёрла границу между землёй и небом. Громады госпиталя для сельхозтехники не было видно уже в ста шагах от него. Но Анатолий Сергеевич и с закрытыми глазами нашёл бы дорогу домой, по которой ходил многие годы работы в мастерских. Другое дело, что она к вечеру обледенела, да и позёмка постоянно ставила подножки. Поэтому воротился позже обычного.

Дмитриевна стояла на крылечке, держа у подбородка накинутую вязаную шаль.

– Ты чего не в хате? – с упрёком обратился к жене моторист. – Простудишься ещё...

Она посторонилась, пропуская супруга в прихожую, и вошла следом.

– Случилось что?

– Серёга с курсов вернулся? – пропустив вопрос Дмитриевны мимо ушей, в свою очередь спросил Анатолий Сергеевич.

– Давно. Поужинал наспех и помчался к друзьям.

– По такой-то погоде?!

– Да разве его остановишь?

Разогреть ужин не пришлось. Накинутое на кастрюлю и сковородку старое одеяло сохранило еду тёплой. И, наверное, всё, как обычно, было вкусным. Однако Сергеич, тронь его сейчас за плечо, не сказал бы даже, кусок чего проглотил. Перед глазами стояло закопчённое небо Кореи 1951 года, в котором он, наводчик зенитки, высматривает цель – вражеский самолёт. А Серёга – водила. Оканчивает автошколу ДОСААФ, будет служить за баранкой. Весенний призыв.

– Толь, а Толь, да что случилось? – повторяла Дмитриевна, пытаясь вернуть мужа к действительности.

– Ты, мать, телевизор сегодня смотрела?

– Когда?! С работы и по хозяйству. Сына кормила. Потом тебя выглядала... А что?

– Война, мать, война.

Медкомиссию в военкомате Сергей прошёл до майских праздников. А вскоре после них туда пришёл Анатолий Сергеевич. Беспощадное южное солнце уже испытывало на жаростойкость каждого, кто был на улице под его липкими лучами. И когда пришедших в тот день в комиссариат дежурный наконец впустил в тенистый двор, парни и мужики вздохнули с облегчением. Сергеичу прохладиться под поливающей сладким ароматом цветущей акацией пришлось долго. Но многочасовое нудное ожидание не убавило его решимости, только крепче всё обдумал. И когда его всё-таки пригласили, в кабинет военкома он вошёл, можно сказать, строевым шагом.

Не пожилой ещё, но уже стремительно набирающий вес мужчина, не поднимая головы от стола, вытирал носовым платком бычью красную шею.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник!

Сергеич не узнал своего голоса, предательски треснувшего со скрипом.

Военный выдвинул ящичек стола, бросил туда платочек, задвинул и тут только пристально посмотрел на вошедшего в кабинет.

– Здравствуйте! Присаживайтесь. Слушаю вас...

Анатолий Сергеевич опустил на ближний к двери стул из ряда стоявших вдоль стены. Назвал себя.

– Мой сын призывается. Кто-то ему тут на комиссии сказал – в Туркестанский округ.

– «Кто-то...» – сердито повторил полковник. – Многих южан сейчас туда отправляют. В чём вопрос?!

– Но ведь это... – Сергеич снова прислушался к своему голосу. Нет, не скрипит. – Но ведь это потом наверняка Афган.

– Многих сейчас из учебных частей – туда...

– Товарищ полковник, он у нас один.

Военком с усилием поднялся и упёрся руками в стол.

– Отмазать сынка хочешь?

Моторист тоже встал и глядя полковнику в глаза сказал то, что с зимы ещё так тяжело носил в себе:

– Поднимите мою учётную карточку, посмотрите за что мне дали медаль в Корее. Я своё уже пожил. Но военную науку не забыл. От меня там больше толку будет. Берите меня, добровольцем, а Серёгу оставьте служить в Союзе. Он должен вернуться к матери!

Комиссар вышел из-за стола, приблизился к посетителю почти вплотную и теперь тоже изменившимся, без повышенных тонов, изумлённым голосом спросил:

– Отец, ты в своём уме? Это невозможно!

Он думал, что у них на Юге самое жаркое лето. Теперь было с чем сравнить. Солнце Афганистана прожигало до костей. Но на родине в это время года и ночи заменяли одежду. А здесь – заставляли ловить пустынных дрогаликов. Ничего, и к таким перепадам привыкаешь, как к смене тревожного затишья боевыми заданиями.

Ущелье, охраняемое горами и скалами, исчерчивавшими светлозвёздное небо кривой кардиограммы, проходили такой зябкой ночью. Колонна выдвигалась к большому кишлаку на другой стороне перевала, где, по данным разведки, расположился на отдых многочисленный отряд духов.

Сергею, водителю-заряжающему «Града», уже доводилось вести установку по ущелью. Но то было днём, когда передислоцировали дивизию. Сейчас отправляющаяся на боевое задание колонна военной техники была, конечно, значительно меньше, почти целиком уместилась на дорожке-коридоре.

– Идём в середине, как у Христа за пазухой, – вдруг вполголоса сказал Петро, юморной хлопец из Харькова, прибывший в Афган из Кушки тоже недавно, в одной команде с Сергеем.

– Скорее, как у душмана в кармане, – нервно отреагировал командир.

И почти сразу после его слов кардиограмма гор и скал обвалилась на колонну громящей огненной лавой. Моджахеды не считали пуль, гранат, снарядов и напалма. Использовали проверенную тактику: подбили головную машину и замыкающую, заперев колонну в ущелье. Дальше – как в тире: спокойно выбирай цель.

Взрывной волной Сергея выбросило из кабины через распахнувшуюся дверцу к валуну у скалы. Пока ещё был в сознании, увидел, как его установка превратилась в факел. Горели и его ноги, весь правый бок – куда пришлась струя огнемёта. «У нас ночи тёплые, а здесь жаркие», – успел подумать.

Это был первый «груз 200», привезённый в регион из Афгана. Местное солнце, всё ещё летнее, пылающее, недоумённо заглядывало через прогалины в плотной листве кладбищенских деревьев в растерянные лица одноклассников Сергея, окаменевшие – солдат почётного караула и военкома, гладило лучами безучастный цинк гроба. Только лица припавшей к его изголовью Дмитриевны и Анатолия Сергеевича, сгорбившегося подле, оставались в тени – взглянуть на них солнце не решалось. А когда громом ухнул троекратный салют из поднятых к небу автоматов, и вовсе задрожало в заволновавшейся листве окружавших могилу деревьев.

У ворот погоста полковник, так и не надевший после сказанного на похоронах прощального слова форменную фуражку, протиснулся сквозь ряды уходивших с опавшими плечами людей к Анатолию Сергеевичу, тронул его за рукав. Тот оглянулся, приостановился. Сколько мгновений они смотрели друг другу в глаза? Может, только замаранное набежавшей тучкой солнце, провожавшее процессию, и успело сосчитать. Наконец военком, совсем не командирским голосом, произнёс:

– Прости, отец...

Анатолий ЕРОШКИН

Краснодарский край, г. Абинск

Родился в 1959 году в Карелии, там же и работал в СМИ. Окончил Петрозаводский госуниверситет. Член Союза журналистов России. Заслуженный журналист Республики Карелия. Автор сборников стихов «Я отвечаю: «Осень» и «Конь-шаман», романа «Пердимонюкль Якубовича». Лауреат литературной премии журнала «Север» за роман «Рекс» (2023); победитель конкурса «Кубань литературная в номинации «Крупная проза» (2022, роман «Рекс»); победитель конкурса «Кубок Брэдли-2018» в номинации «Выбор читателей»; I место в областном конкурсе «Степные всполохи», посвящённом 95-летию Ростовской областной писательской организации. Награждён Памятной медалью «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2023). Дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2024».

КОЛЯН-КЛЮЧАРЬ

Исхудавшая, лёгкая даже на вид мать смиренно лежала на казённой койке, вытянув поверх простыни тонкие высохшие руки с большими натруженными ладонями. Седые волосы на белой подушке слегка шевелились от июльского тёплого ветерка, долетавшего из открытого окна больничной палаты. «Словно одуванчик, дунешь – и улетит!», – подумалось Николаю. Боли от предстоящей утраты не было. Скорби тоже. Только усталость и обречённость. И, чего уж греха таить, мерцала где-то на самом дне души радостная искорка скорого освобождения от тягостной ежедневной повинности идти после работы в осточертевшую за долгие недели больницу.

Уперев застывший взгляд в дверь палаты, словно отрезавшую их с матерью от всего остального мира, Николай не сразу уловил тихий шепоток:

– Коля... Коля...

Уловив, встрепенулся, наклонился, ловя каждое ускользающее слово:

– Я здесь, мама!

– Водички дай!

Николай засуетился, наполнил стакан из пластиковой бутылки минералкой, поднёс к губам матери. Она глотнула, закашлялась, отвернула в сторону голову.

– Не, Коля! Не этой... нашей, ключевой дай...

– Где ж я её возьму, мам? До деревни двадцать км ехать... Да и зарос родник, сама знаешь...

Мать не слышала сына, только шептала тихонько, словно вечерняя листва за деревенским окошком:

– Родниковая – она живая... сбегай за ней, Коля... она любую хворь лечит...

– Я сбегаяю, мама, за ключевой водой... и обихожу родник...

– Обещаешь?

– Обещаю, мама...

– Это хорошо... а я попою водички нашей... и выздоровею...

И всё слабел родной голос, затихал шёпот листьев в красных бликах заката...

Родник жил. Прислушавшись, Николай различил в глубине заросшего кустарником склона тихое журчание воды, похожее одновременно и на ропот, и на молитву. Слов разобрать нельзя, но и так всё ясно, кручинился родник, сетовал, что стал ныне никому не нужным. Деревня, всё больше походившая на дачный посёлок, обзаводилась артезианскими скважинами, ждала, когда власти проведут обещанный водопровод, а до ключа на окраине ей дела не было.

«Ключ! Надо же, – усмехнулся про себя Николай. – Мудры были деды, называя так источники, родники. Есть ключ, значит, есть и дверь, которую он отпирает. А за ней...».

Николай тряхнул головой, отгоняя несвойственные ему философствования, достал из рюкзака моток прочной верёвки, привязал конец к стволу матёрой сосны, росшей на обочине дороги. Глянул коротко в сторону деревни. Никого! Да и ничего удивительного. Приехавшие на выходные наследники деревенских Федорих да Савеличей жарят, небось, шашлыки, ковыряются для блезиру на грядках, а вечером будут пить коньяк да водочку под разухабистое буханье динамиков автомобильных радиоприёмников. На кой им ключ? Был бы золотым – другое дело!

Николай сплюнул с досады, бросил вниз свободный конец верёвки, покрепче ухватился за неё и ступил на трухлявые остатки деревянной лестницы, ведущей к роднику.

Да уж! От обихоженной когда-то криницы остался полусгнивший сруб и рухнувшая в кусты зелёная ото мха крыша. Было в этом зрелище что-то скорбное, словно не к роднику Николай спустился, а забрёл на заброшенный деревенский погост. И запах соответствующий – прелой листвы, болотной тины, гнили...

– Эй! – раздался сверху весёлый голос. – Может, помочь?

Николай поднял голову. Разглядел среди листвы круглую мордаху в модных очках. Голова улыбалась и подмигивала:

– Ну, так как? Спускаться?

– Валяй!

Спустившийся по верёвке толстяк в пляжных шортах и стираной футболке кого-то смутно напоминал. Николай пристально всмотрелся в его румяное лицо.

– Что, не признаёшь, Колун?

Давнее деревенское прозвище Николая подхлестнуло память.

– Митяй, ты!?

Минут пять ушло на похлопывание друг друга по плечам, подмигивания и рукопожатия, а потом погрузневший и полысевший школьный приятель и сосед Митька Митрошкин залихватски подмигнул однокласснику:

– Как насчёт картошки дров поджарить? У меня есть!

Николай глянул на плоскую бутылочку пятизвёздочного коньяка неведомо откуда появившегося в руке Митяя и отрицательно качнул головой.

– Не, давай вечерком, а то у меня дела...

– Родник что ли обиходить хочешь? Так это запросто!

– Ага, запросто! – передразнил его Николай. – День на расчистку потратить нужно, потом сруб, крышу и лестницу нужно сварганить. Сюда спустить и собрать... Не, неделя точно уйдёт!

– Да брось ты! – отмахнулся заматеревший Митяй. – И сруб, и крыша, и лестница с прошлого года у меня на дворе готовые лежат. Делов-то, привезти сюда да на место поставить.

– А чего ж не ставил?

– Тебя ждал! – радостно рассмеялся своей шутке Митяй.

По коньячку за встречу всё же глотнули. Запили ароматную жидкость студёной до ломоты в висках ключевой водой. И непонятно было, что вкусней и бодрящей...

Не зря Митяй стал во взрослой жизни преуспевающим бизнесменом. Мигом организовал трактор на подвоз заготовок, нанял для расчистки родника парочку деревенских мужиков с топорами, да ещё и троих их с Николаем однокашников на выпивон зазвал.

К вечеру всё было готово. В новёхоньком срубе из калиброванного бруса скопилась чистейшая ключевая вода. А сам родник, наполняя его, журчал совсем не так, как утром – приветливо, весело, звонко и знакомо.

Посерьёзневшие Николай и Дмитрий сидели возле сруба на новенькой скамейке, раньше её не было, и наблюдали, как один за одним спускаются по добротной лестнице к живительному источнику односельчане. Знакомые и не очень, молодые и старые, улыбчивые и хмурые...

– Слышь, Митяй, а почему родник ключом называют? – спросил слегка захмелевшего приятеля Николай.

– А как ещё? Он и есть ключ. К сердцам нашим, к душам. Вот сидим мы здесь, ни хрена не делаем, а к нам наша родня идёт за водицей...

– Родня?

– Так мы в деревне все одного роду-племени. Каждый каждому троюродной тёще двоюродный забор... Кстати, ты мне по матери каким-то там юродным племянником приходишься. Понял, племяш? И давай не задерживай, наливай ещё по чуть-чуть, ключарь ты наш городской!

– Какой ещё ключарь?

– Самый настоящий! Навроде святого Петра, который ключами от рая заведует. А ты теперь нашего ключа заведующий. Ну, давай хлопнем, Колян-ключарь, за родник наш!

Одним махом опрокинув в глотку коньяк, Митяй прокашлялся и вдруг затянул на удивление приятным баритоном:

*Живи, родник, живи,
Родник моей любви,
Любви к земле одной
К земле навек родной...*

Ахмедхан ЗИРИХГЕРАН

Дагестан, г. Махачкала

Родился в 1976 году в посёлке Кубачи (Дагестан). Член Союза российских писателей. Сотрудник журнала «Дагестан». Публиковался в журналах «Кольцо А», «Зарубежные задворки», «Дарьял», «Южная звезда», «День и ночь», «Причал», «День литературы», «Москва», «Наш современник», «Литература», «Формаслов» и др. Дипломант XVII Волошинского литературного конкурса (2019), I литературного конкурса «Линия фронта» (2020), II литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» (2021), III место в литературном конкурсе «Пастернаковское лето-2023», дипломант Международной литературной премии «ДИАС» (2022, 2024).

ОСЛЕПЛЁННЫЕ

– Смотри: летят – одна, другая! – воскликнула Мила, запрокинув голову.

– Это метеоры, – ответил Артур, не поднимая головы. – Они возникают при сгорании в атмосфере мелких осколков комет или астероидов.

Артур и Мила стояли на горной дороге, взбирающейся вверх по склону. Звёздное небо, плавно перетекало в не менее «звёздные» горы. Тысячи огней усыпали склоны, словно соревнуясь с небом. Тьма ночи уже не могла быть абсолютной. Небо и землю вполне можно было перепутать, и лишь метеоры, стремительно расчерчивающие небо, подсказывали, что где находится.

– Не видела их раньше! – Мила не отрывала взгляд от неба.

– Ты в городе живёшь, там их не видно, – в голосе Артура промелькнули насмешливые нотки.

– А почему здесь видно? – Мила бросила на Артура прожигающий взгляд. Ответ ей, судя по всему, не был необходим.

– Здесь высоко, мы ближе к небу.

– Хорошо здесь, – Мила закружилась, словно в танце. – Красиво.

– Осторожно! Упадёшь! – Артур остановил Милу.

– Спасибо!

Артур нравился Миле. И в то же время не нравился. Слишком умён.

Артур знал всё. Зачем и когда Нерон сжёг Рим и кто это вообще такой. Почему электричество так больно бьёт, а конца света не будет никогда. И эти метеоры...

Но здесь, на этой полуночной дороге, Миле не хотелось узнавать, что это за метеоры, почему возникают и куда летят. Ей хватало их красоты.

Картина открывалась завораживающая – метеоров стало больше. Сделав ещё несколько шагов, Мила остановилась.

– Какая красотища! – воскликнула она.

– Встретим рассвет? Тут недалеко обалденный вид со скалы, – Артур показал рукой в тёмную даль.

– Хотелось бы посмотреть.

– До рассвета осталось всего ничего, – Артур бросил взгляд на часы.

– Это когда я домой-то приду, – засомневалась Мила.

– Пряма такая огромная разница между четырьмя часами ночи и шестью, – усмехнулся Артур.

– Есть правда в твоих словах, – Мила посмотрела на Артура оценивающим взглядом. – Далеко идти?

– Не особо, километра полтора, – ответил Артур.

– Потопали?

– Потопали!

Артур и Мила дружили давно. Жили они в разных городах, а встречались в родном селе, куда приезжали каждое лето. Весь год проходил в непрерывном общении – они могли болтать по видеосвязи часами и темы для разговора не заканчивались. Здесь же, в реальности, им всегда что-то мешало.

– Смотри, смотри! – испуганно взвизгнула Мила, прильнув к Артуру.

– Что это?

– Где? – огляделся Артур.

Кусты рододендрона, чьи жёлтые пятиконечные звёзды едва угадывались в темноте, были усыпаны светящимися точками.

– Это светлячки, они безвредные.

– Красивые.

– В некоторых племенах, светлячков собирают в мешочки и привязывают к ногам, – Артур не мог не рассказать всё, что знал.

– Дорогу освещать, – догадалась Мила. – А они точно не кусаются?

– Не кусаются, не бойся, – Артур сорвал цветок и протянул его Миле.

– Какой аромат! – воскликнула Мила. – Они так сладко пахнут...

Прелесть! Спасибо. Их ещё азалия называют. Я слышала.

– Жаль, конечно, что из них букет не соберёшь – кустарник. Кстати, знаешь, они ядовитые. Цветы и листья содержат андромедотоксин... – начал было рассказывать Артур.

– Фу! – Мила выбросила цветок.

– Для коров, для коров ядовитый, и для пчёл! – попытался исправить свою оплошность Артур, – Не для человека!

– Вот ты можешь, вечно...

– Да, вот так, могу... – Артур протянул Миле три цветка, посадив в каждый по светлячку. Цветки засветились загадочным, зеленовато-жёлтым светом.

– Ты что-то говорил про рассвет, – вспомнила Мила.

– Мы почти дошли, – Артур, взяв Милу за руку, потянул её за собой.

Тоненькая полоска рассвета уже появилась на горизонте. Очень скоро тьма отступит прогоняемая солнцем, растворится, словно и не было этой ночи с мириадами огней в небе и на земле. С метеорами и светлячками.

Артур знал это место, этот уступ, парящую над пропастью скалу, с которой было хорошо видно, как солнце отражается в море. На рассвете отсюда открывалась завораживающая картина.

Двое приближались к заветной скале. Торопились. Словно надеясь здесь, ослеплённые молодым солнцем, сказать друг другу то, что не смогли сказать тёмной ночью.

Александр КОЛТАКОВ

Кемеровская обл., г. Новокузнецк

Колтаков Александр Алексеевич родился 20 февраля 1962 года. Архитектор. Член литературного южно-кузбасского союза «ЛЮКС». Автор книги детских стихов «Приключения фантазёра». Принял участие в нескольких коллективных сборниках стихов и прозы. Печатался в литературном журнале СП Москвы «Кольцо А». Лауреат конкурса детской литературы «Десятая планета» серии МЛК «Большой финал» (2022-2023). Финалист международной литературной премии «ДИАС» (2022, 2023). Финалист литературного конкурса «Золотое перо Алтая-2023».

Лауреат всероссийской литературной премии имени Александра Маздорфа в номинации «Басня» (2024). Лонглистер Международной литературной премии «ДИАС-2024».

МОБИЛИЗАЦИЯ

Благополучно закончив борьбу за урожай на дачном участке, я решил встретить золотую осень на своей малой Родине. Быстро собрал дорожную сумку и солнечным сентябрьским утром на своей старенькой «короле» отправился в путь.

Уже к вечеру того же дня благополучно прибыл в провинциальный сибирский городок, в котором провёл своё счастливое советское детство. Из всей, некогда многочисленной родни, там осталась лишь моя сестра Людмила со своим сыном Пашкой. Они проживали в обычной хрущёвке на втором этаже. Через дорогу, напротив, располагался местный военкомат, занимавший весь первый этаж такой же серой пятиэтажки. Окна и балкон Людмилиной квартиры выходили на улицу, откуда центральная площадь и вход в военкомат просматривались, как на ладони.

Надо же было такому случиться, что буквально на следующий день объявили частичную мобилизацию для продолжения СВО на Украине. Весь городок несколько дней гудел от пересудов и предположений. Мужское военнообязанное население, судя по разговорам, заметно напряглось. Отдельные мутные личности, по слухам, даже стали срочно собираться на неопределённое время в далёкие и не очень края.

Пашка, мягко говоря, тоже был не в восторге от перспективы оказаться на передовой, отчего почти перестал выходить на улицу, наивно опасаясь лишний раз попасть на глаза военкому, проживавшему в соседнем подъезде.

В последние годы у меня с племянником сложились непростые отношения. На то были веские причины. С высоты своих лет и советской закалки я считал его иждивенцем и лодырем, сидящем на шее пожилой матери.

С горем пополам закончив техникум и отслужив в армии, Пашка вернулся домой и даже поначалу пытался устроиться на работу, но подолгу нигде не задерживался. То работа казалась слишком тяжёлой, то платили слишком мало. Жили, в основном, на материнскую зарплату и пенсию, что вполне его устраивало. На мои увещевания и негодование по этому поводу он находил тысячу причин и отговорок, обещал, что скоро возьмётся за ум, но всё оставалось по-прежнему. Сестра как могла защищала сына от моих нападков, приводя очень веский аргумент: «Зато не пьёт, как многие!»

Жизнь в стране и мире с каждым днём стремительно менялась, но это никак не повлияло на образ жизни племянника. Молодой бездельник круглосуточно сидел у компа, с головой погрузившись в виртуальную игровую реальность с монстрами и «танчиками». Даже девушки его интересовали «постольку-поскольку». Периодического общения на стороне ему вполне хватало. Перспектива создания нового семейного очага в ближайшее время не просматривалась.

Однажды, торопясь по каким-то делам, я впопыхах выскочил из подъезда и чуть не столкнулся со странной старухой. Её внешний вид настолько озадачил, что я даже забыл, куда спешил.

На голове пожилой женщины был шлем танкиста, из-под которого проглядывала прядь седых волос, а поверх платья надет мужской пиджак. На его лацкане красовался орден Мужества. Она сделала шаг в сторону и строго посмотрела на меня. Я в смущении промямлил дежурную фразу: «Извините!» – и поспешил мимо.

Вечером, за семейным ужином, я рассказал сестре о неожиданной встрече возле подъезда дома и спросил:

– Кто это был?

– Это наша Машенька, Мария... – Людмила сделала паузу, провела рукой по щеке, убирая наворачнувшуюся слезу и поведала мне историю этой женщины. – Её муж был кадровым офицером-танкистом. Когда он погиб в чеченскую войну, Мария с малолетним сыном Ваней переехала из военного городка к больной свекрови. Её квартира была на четвёртом этаже в нашем подъезде. Старушка вскоре умерла, и молодая женщина осталась одна с ребёнком. Души не чаяла в сыночке, ставшем смыслом её существования. Уж больно он был похож на отца! До самой пенсии и дальше Маша работала в хирургическом отделении городской больницы. Замуж больше не вышла.

Иван вырос и пошёл по стопам отца. Отслужив в армии, остался там по контракту командиром танка. С первых дней начала СВО он оказался на Украине, а в мае геройски погиб.

Говорят, что когда военком вручал матери награду сына – орден Мужества посмертно, она потеряла сознание. Её увезли на «скорой», а через несколько дней Мария вернулась домой – заметно постаревшая, высохшая

и абсолютно седая. С тех пор носит шлем и пиджак сына с орденом. То ли представляет себя в образе сына, то ли... Кто разберёт, что теперь у неё в голове? Не дай Бог никому такого! Люди говорили, что после похорон ни разу не была на могиле сына. Видно, не поверила.

Сестра закончила свой рассказ и за столом надолго повисла тишина. Первым нарушил её Пашка:

– Я ничего и не знал про неё. Ты не рассказывала.

– А ты никогда ни о ком не интересовался. У тебя же вся жизнь там, – махнула мать рукой в сторону компьютера.

– Чё опять началось-то? – пробурчал племянник и удалился с кружкой к себе в комнату.

Жизнь шла своим чередом. Через несколько дней в городе набрали первую партию мобилизованных. Им было предписано в назначенный день и час прибыть с вещами к военкомату. По такому случаю городские власти организовали торжественные проводы.

В тот день я чувствовал себя неважно. С утра подскочило давление. Всё же не утерпел, вышел на балкон посмотреть на это, во все времена волнительное зрелище. Когда-то и меня провожали, пусть не на войну, а в армию служить, но такое запоминается на всю жизнь...

Два десятка мобилизованных построили на площади перед военкоматом. Родные и близкие в ожидании стояли поодаль. Вышел военком и глава города. Они приготовились сказать самые важные напутственные слова своим землякам.

Первым подошёл к микрофону военком, окинул взглядом будущих воинов и оторопел. На его глазах, первым номером в шеренгу мобилизованных встала Мария в шлеме танкиста и орденом Мужества на груди. Образовалась неловкая пауза.

Соседи по подъезду быстро сообразили, подхватили женщину за руки и повели её к дому. Она вырывалась и кричала: «Пустите меня! Я должна быть там, с ними! Хочу помочь Ванечке!»

После неожиданной заминки, наконец, были произнесены правильные и нужные слова от официальных лиц, потом короткое прощание с родными и близкими.

Когда ребята стали грузиться в автобус, грянула наша родная «Славянка», под звуки которой вот уже на протяжении двух веков провожают мужиков земли Русской на её защиту. Столько в этой мелодии веры и надежды, что у всех присутствующих отступает страх перед неизвестностью.

– Возвращайтесь с победой! – врывалась в сердца мобилизованных мелодия вместе с надеждами провожающих.

– Обязательно вернёмся! – с несокрушимой верой выходила она обратно из сердец будущих воинов.

Вскоре автобус тронулся с места, увозя молодых мужиков всё дальше и дальше от мирной жизни в новую реальность. Толпа родственников и знакомых пришла в движение: многие молодые с улыбками на лицах и слезами на глазах активно замахали на прощание руками, некоторые представители старшего поколения крестили уходящий автобус и шептали: «Храни вас Господь!»

После проводов больше никто не видел Марию живой. Через несколько дней её тело случайно обнаружили на могиле сына. В крепко сжатой руке была награда Ивана – орден Мужества.

Всем двором провожали Марию в последний путь. Было непривычно тихо. Женщины украдкой вытирали слёзы, а мужская половина сосредоточенно молчала. После короткого прощания во дворе дома, я и Пашка присоединились к группе мужчин, которые отправились на кладбище предать тело земле. Когда установили над могилой крест, я обратил внимание на год рождения усопшей. Оказалось, ей было всего шестьдесят лет.

После прощания двор пятиэтажки словно вымер. Не было видно ни взрослых, ни детей. В воздухе физически ощущалось напряжение и необъяснимая тревога. Даже птиц не было слышно.

Утром из нашего дома несколько мужиков призывного возраста один за другим потянулись к дверям военкомата. Они стали первыми добровольцами этого маленького городка огромной России. Среди них был и мой племянник – Павел Владимирович Сомов.

Удачи вам всем, мужики! Возвращайтесь с победой!

Ольга КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

Татарстан, г. Набережные Челны

Родилась в г. Волжский Волгоградской обл. Окончила Набережночелнинское училище искусств (виолончель), Набережночелнинский пединститут, Высшие лит. курсы Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан. Руководитель лито «Лебедь». Автор песенных альбомов «Любовь пою» (2002), «Ты услышишь» (2008), «Маленькое скерцо» (2012); лирических сборников «По воле небес» (2003), «Раскачивая маятник судьбы» (2008), «Янтарная бусина» (2017), «Музыкальные диктанты» (2023); четырёх книг художественно-документальной прозы. Соавтор литературно-музыкального спектакля «Дай мне руку...» – по письмам М. Цветаевой и Б. Пастернака (2019). Лауреат Республиканских премий «Хрустальное перо», им. С. Сулеймановой; Национальной лит. премии «Золотое перо Руси». Лонглистер Международной литературной премии «ДИАС-2024».

СЕВЕРНЫЙ ЖАР

Дорога. Поезд настырно, по-сиротски одиноко врезается в снежный простор. Вдоль обочин – тёмно-зелёные, в богатых белых шубах могучие ели. Многие они повидали, многое знают, оттого-то темны, оттого тяжелы их лапы, надёжно укрывающие земные тайны – изредка чудится их глухая поступь, но глубинные мистические звуки умирятся мощью державного леса.

Макушки многих деревьев оголены, будто почтительные хозяева то ли приветственно, то ли задумчиво сняли меховые шапки перед загадочной уединённой дорогой. А заснеженные верхушки елей напоминают тянущиеся к небу маленькие маковки церквей, и венчают их крестики тонких упругих веток. Столько печали во всём, столько надежды, что слышится далёкий молитвенный звон. И рельсы – две тонкие нити цепкой жизни, въевшейся в стужу, напряжённо гудят: то, вдохновляя, зовут за собою состав, то, понукая, толкают его к далёкой цели. Один поворот, другой, почти без остановок, на Север.

«Тук-тук – тук-тук, тук-тук – тук-тук...»

Сажу у окна. Седое солнце отбрасывает фиолетовые, как в тональности си-минор, тени деревьев. Они грустно тянутся за лесом – там, где его сплошная стена изредка прерывается, будто заканчивается проведение одной из главных тем органной фуги. И непонятно, боятся ли тени оторваться от родных елей, играя свою тихую побочную мелодию, или стремятся убежать в манящее белизной приволье. Красота! Она вливается в меня вечной музыкой, которая и радуется, и тревожит душу.

Вдруг (я аж вздрогнула), у кромки леса, по-над сугробами, – белая птица, похожая на вяхиря, но не вяхирь: совершенно белая, только на кончике веерного хвоста – узкая чёрная полоска, словно пришитая поперёк лента. Птица летит. Спешит за поездом. Не мерещится ли мне она? Нет – вижу! И не только вижу, а как будто слышу в высоком регистре органа её мятежный полёт. Она летит напротив моего окна, рьяно машет крыльями. Машет, машет, не отстаёт. А колёса жёстче, быстрее стучат, стучат, гремя басами главной темы. И птица всё летит и летит упрямо. Зачем ей этот поезд? Кто она? Может быть, чья-то душа? Заплутавшая. Неуспокоенная.

«Тук-тук – тук-тук, тук-тук – тук-тук...»

Дорога. Странная эта дорога, трудная, долгая: Вологда – Коноша – Кулой – Костылево – Котлас... Холодно. Колет холод. Гудят колёса, их скорбный басовый мотив напрягает, разрывает душу. Гудят, гудят. Гул... ГУ-ЛАГ!.. Здесь был этап, здесь был ГУЛАГ. Под каждой шпалой – сколько жизней?

«Э-тап – ГУ-ЛАГ, э-тап – ГУ-ЛАГ...»

Птичий полёт, его щемящий сердце напев уносит мысли за пределы видимого: белая птица с лентой траурной – чья-то душа неуспокоенная; маковки елей – вознесённые к небу тени могильных крестов, ими когда-то были усеяны обочины. И птица летит и летит за поездом. Может быть, хочет что-то спросить? Может быть, что-то сказать? Передать – туда, живым...

Заскрежетали колёса. Крутой поворот. Лес – в сторону. Распахнулась необъятная снежная даль, как модуляция в доминанту, как просветление в диссонансе скорби.

Птица пропала. Сбилась? Наверное, не успела. Но что это? Впереди – белая равнина с чёрной полоской тайги по горизонту: земля в оперенье исчезнувшей птицы. А над всем окоёмом, в сияющей дымке – огромное солнце; с двух сторон от него, на большом, но уловимом глазу расстоянии – ещё по одному огненному шару. Эти солнца чуть меньше главного, но от них устремляются к зениту высоченные радуги-крылья: вот-вот они сольются в поднебесье, вот-вот венцом охватят весь простор.

«Тук-тук – тук-тук, тук-тук – тук-тук...»

Вижу, от головного солнца в высь и в стороны, к малым солнцам, потянулись радужные лучи. Проявился солярный крест. Разлился колокольный звон. Каденция... Да это же – великая Жар-птица! Священная птица Рарог, о которой вещают древние сказания. Мать. Она грозно и любовно, всепрощающе обнимает землю. И я слышу долгий мажорный аккорд, звучащий от глубоких басов до самых высоких пронзительных нот, – жизнеутверждающий, заполняющий и расширяющий пространство.

Дорога настырно врезается в снежную даль.

Наталья ПУЛЬКА

Самарская обл., г. Тольятти

Борисова Наталья Владимировна родилась 17 ноября 1973 года в Тольятти. Окончила Региональный финансово-экономический институт в г. Курске, менеджмент организации. Работает на АвтоВАЗе. Публиковалась в журналах «Город», «Графит» (г. Тольятти). Лонглистер Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ЛЕТО-2022

Это лето грозило быть скучным ещё с глубокой зимы. Ну, может, не всё, но добрый его кусок точно. Супруг убедительно целую неделю взывал к моей сознательности на предмет того, что покараулить месяцок старушку маму, проживающую на черноморском побережье, пока её дочка отлучится в Армению по своим йоговским делам, самостоятельно у него нет ну совершенно никакой возможности. Не убедил. Я обожаю свою работу. И, как в той прибаутке, хожу на неё и в субботу, и в воскресенье, ну и т.д. Плавающий график. «Ах, белый теплоход, бегущая вода...» В моём случае – «Ах, белый паровоз...» Но и тут нестыковка – паровоз не белый. Разноцветный. Просто в рифму тогда не получится спеть. Цветной от того, что это детский аттракцион. Жёлтый вагончик, синий, зелёный, красный... А пою я постоянно, потому, что из динамиков заводные детские песенки летят все двенадцать часов трудового дня, как тут не подхватишь. Рельс это чудо отродясь в своей жизни не видело, так как на самом деле является изначально электромобилем. Бегаёт по территории ТРК вольными траекториями, радуя людей своим внешним видом или заложенными в него функциями. А я его «машинист», также кассир и массовик-затейник. Это уже для директоров и пассажиров.

И вот, на подступах к теплу, согласно февральскому ещё плану, моя вторая половина благополучно укатила по взаправдашним российским железным дорогам качаться в гамаке, а я осталась, отвоевав своё место под солнцем. Однако через неделю моей полностью самостоятельной жизни весёлый железный кормилец в одну из прекрасных смен страшно заскрежетал при движении, чуть позже высыпал на плитку два кило молотого свинца и остановился. Машинке предстоял марафет. А теперь ещё и полный марафет. Его в основе своей условно можно разделить на оказываемый мужскими и женскими руками. И раз голова Томаса волею

судьбы оказалась на ремонтных работах, мне пришлось временно переквалифицироваться в фею клининговой службы.

Детишки – они те ещё свинюшки-растеряшки, поэтому внутри вагончиков можно найти оставленным всё что угодно, начиная от любимых кукол и заканчивая записками в углах в виде жёванной резинки. Так что генеральную уборку стоило начать с салонов. Первый – жёлтый вагончик, жёлтый, как прибрежный песочек. Открыла его...

Песка было много. Но, говорят, звёзд во вселенной ещё больше. Я лежала на животе и просеивала пригоршни этого чуда сквозь пальцы, одну за другой. Это же уму не постижимо, сколько небесных тел, и ведь обязательно, по-другому просто не может быть, где-то существуют не одна, и не две, и даже не миллион жизнесодержащих планет. А ещё параллельно мой мозг мучился вопросом – почему море, такое синее Чёрное море, многомильное море, заканчивается именно здесь, там, где я лежу? Ни километром дальше в любую из сторон. Именно рядом со старушкой с треккинговыми палками, бодро чешущей вдоль него? Свекровь у меня тоже, кстати, ходит с такими приспособами. Даром что восемь раз по десять лет прожила. Десять тысяч шагов в день отдай, как Отче наш. И чего её охранять? Чтобы до Турции не добежала забывшись? Боялась, связи с дочерью нет, «скорую» будет некому вызвать. Поравнялась со мной и говорит:

– Домой бы пора, обгоришь, солнце уже высокоовато.

Я, вздыхая:

– Да. Скоро приду. Сейчас вот все кассовые чеки соберу и приду.

Честно говоря, чеки собирать совсем не хотелось. Чеки – это мусор от жизнедеятельности Человека. Песок – это красота. Красота, убегающая сквозь пальцы, потому что кругом, куда не кинь взгляд, чёткие следы индустриализации Homo sapiens. Интересно, как всё устроено на остальных миллиардах миллиардов обитаемых миров? Есть ли там следы, и какие?

Свекровь зашагала дальше, а я повернулась на спину. Ну, а что, загорать надо равномерно.

Небо, синие небо, прямо как мой второй вагончик. Такой красивый, классический цвет. Жить от такого цвета хочется. Всех любить, всем улыбаться. Улыбайтесь люди, улыбайтесь! Иной раз смотрят на меня всей толпой, как на инопланетянина. Не улавливают совсем моих установок.

Я разогнулась на голос. Меня спрашивали, можно ли покататься. Голос не хотел искренне катать ребенка. Просто отбывал повинность. И поэтому рот этого голоса был просто рот и всё. Я – лицо красное, чёлка дыбом, прядь волос теперь мой личный рот жуёт. Ну, а как по-другому, если только что из позы «зю» вышла? Это вам не йога-тур организованный, где ты под чётким руководством инструктора в асаныходишь и выходишь.

Вагончики тесные. Уж как могу. Достала тряпкой до самых дальних углов и то хорошо. Улыбаюсь:

– Нет, но приходите завтра. Сегодня небо себя моет.

И как в доказательство сему факту внезапно пошёл дождь. Грозы на юге страшные. Таких гроз я не видела больше нигде. Пришлось встать и всё-таки уходить домой. От греха подальше. Другой бок будем румянить в другой раз.

Бегу железнодорожными путями, мокрая вся, голову в плечи вжимаю, босоножками для баланса машу. Обходчики улюлюкают, смеются, зовут с собой, кричат:

– Прыгай в наш домик. Покатаем.

А он у них зелёный, но не такой красивый, как мой. Мой сочный, как апрельская трава, чистый, как городской газон после ленинского субботника. А это что? И внутри наверняка бардак. Мимо! Ми-мо, граждане рабочие! Я сама вас покатаю!

– Катаем все возраста от кулька и до плюс бесконечности! Все катаются за билеты! Не больше трёх взрослых в один вагончик! Круг восемь минут!

А лето-то, оказывается, прекрасное. Может, даже одно из самых лучших лет в моей жизни. Не зря весь май снилось счастье, что целое лето, красивое, жизнерадостное, цвета морской воды, золотого песка, степных лугов, закатного солнца и улыбающийся людей, полное любви, лето ещё впереди.

Виталий РЫХЛОВ

Самарская обл., г. Тольятти

Родился в г. Тольятти в 1975 г. Учился в РАТИ (ГИТИС) Москва (не окончил). В 1990–2000 гг. работал в театре «Эксперимент» (режиссёр Ю.А. Тя-Сен). Арт-директор тольяттинского рекламного агентства «РИАТ». Журналист женского журнала «Другая». Экс-президент молодёжного аниме-клуба «ONIX». Прозаик, сценарист, режиссёр и ведущий Тольяттинского молодёжного косплей-фестиваля «Animation Zone». Создатель литературной игры «Начало» в популярной социальной сети. Призёр общегородского слэма (2024), финалист Международной литературной премии

«ДИАС-2024».

ЯЩИК

Любимой бабушке, матери моего отца, с просьбой прощения

Михаил жил в нашем селе давно. Десять лет назад он пришёл в деревню хромой и неулыбчивый с одним желанием – работать. И теперь никто не мог представить Еремейкино без нашего «доставалы». Находясь в должности завклуба, он обнаружил в себе необычный и редкий по тем временам дар – мог достать всё что угодно. Нужно было лишь откомандировать Мишку в центр. И уже к вечеру, максимум через день, необходимое «нечто» появлялось в деревне.

Его любили и уважали все. Энергии он был необыкновенной. Уважение к нему было настолько велико, что когда Сашка Кривой, местный ловелас, закрутил с Мишкиной Людкой, то впоследствии сам же Сашка, человек крайне бесстыжий, пришёл и повинился перед Михаилом. В селе до сих пор не могут забыть, как отреагировал тогда Мишка. Он ни слова ни говоря выбежал из избы и побежал в свой клуб. Сашка испугался – в клубе находился старый «Максим» и, говорили, что если его зарядить, он вполне рабочий. Народ постепенно собрался перед клубом. Михаил вылетел из клуба и в руках у него была... о-о-огромная балалайка, непонятно, когда и как попавшая в клуб. Никто в деревне никогда не играл на ней, потому что даже не мог представить, как это делается. Что тогда вытворял Михаил на этой бандурине, пересказывали сотни раз. Но Сашка к Людке больше не подходил. Впрочем, Людка прожила недолго: пошла в лес за ягодами, попала в трясину и не вернулась. Михаил тогда с головой ушёл в работу и после этого стал просто золотым профессионалом.

Вообще, наше село славилось благополучием. Но работали мы как все, а процветанием были обязаны исключительно Мишке и его удивительной способности. Не помню кто предложил, но на сорокапятилетие

правление решило сделать подарок Мишке и отправить его в Сочи. Он долго отказывался, но в конце концов его убедили. Ещё с вечера ходил Мишка по деревне, заглядывал в дома и спрашивал: «Чего привести с югов-то?». Но все отнекивались, благодарили: «Ничего не надо, Миша. С юбилеем тебя. Отдохни как следует!».

Последняя, к кому он зашёл, была тётка Аглая...

Аглаин дом находился на самой окраине, прямо перед лесом. Чёрный от сырости и времени, лохматым вороном выглядывал он на дорогу. Даже садовые деревья, запущенные и неухоженные, в любое время года выглядели весьма зловеще. Ведьмина обитель, да и только. И лишь одна деталь нарушала общее невзрачие.

Это был почтовый ящик. Новенький, блестящий, покрытый голубой эмалью, он был виден издалека. Кусочек неба на земле.

В тот вечер, подходя к дому тётки Аглаи, Михаил заметил, что ящика нет на месте...

– Здорово, тётка Аглая! Как жива-здорова?

– Спасибо, Мишенька, живём помаленьку... А коли заслужил – чего ж не съездить. Доброй дороги.

– Может, привезти чего...

– Да нет, ничего не надо, Мишенька, а если помочь хочешь, принеси, пожалуйста, ведро с краской, оно в сених стоит. Я тут, видишь ли, ящик покрасить собралась.

– Да ты что! Он же у тебя новый совс...

– Надо, Миша! – Аглая посмотрела прямо в глаза Михаилу и добавила:

– Мне так надо...

Молча Мишка прошёл в сени, молча вынес ведро с чёрной краской и всё с тем же красноречивым молчанием долго наблюдал, как Аглая неумело, но очень старательно малевала кистью по блестящей лазури. Потом помог повесить изуродованный ящик на забор, соорудил самокрутку, закурил и внимательно посмотрел на Аглаю.

– Слушай, тётка Аглая! – спросил почему-то шёпотом Михаил. – Скажи, а зачем тебе это надо?

Аглая сделала вид, что не слышит, а когда Мишка попытался спросить ещё раз, вдруг сказала тоже почему-то шёпотом:

– Ты, Миша, смеяться будешь или, ещё того больше, не придёшь никогда.

– Это ещё что за концерты?

– У каждого свои, Мишенька.

– Слушай, – Мишка нахмурился. – Ты моё слово знаешь. Так вот, даю тебе слово, что не хихикну.

Аглая помолчала и приподнялась к самому уху Мишки.

– А никому не скажешь?

– Ни одной живой душе.

Она опять помолчала, снова приподнялась на цыпочки и опять же на ушко сказала слова, от которых зашевелились волосы на голове у Мишки.

– А вот как сыночек-то мой, Иван-то приедет. Увидит он ящик-то и скажет: «Убери, мам. Срам-то какой!». Я и уберу, тут же уберу...

И оттого, что Аглая произнесла эти слова таким спокойным, очень серьёзным тоном, стало Мишке как-то...

Иван не вернулся с войны лет 15 назад, и примерно с тех пор Аглая и стала затворницей.

Михаил вышел от Аглаи покачиваясь. Никак не мог забыть он даже не слова Аглаи, а этот тон, с каким она выговаривала эти слова. Спокойный, уверенный.

И была в нём кроме вполне понятной причины ещё и такая тоска... Долго ещё тяжёлым аккордом звучала она в сердце Мишки, когда собирался он в тот вечер в свою заслуженную поездку.

А наутро он уехал и через месяц вернулся. И на этом можно было бы и закончить рассказ.

Но только говорят, что ещё через месяц после его возвращения, к дому тётки Аглаи подошёл молодой белобрысый парень в выцветшей гимнастёрке.

И больше никто не видел страшного уродливого ящика, два месяца висевшего на заборе тётки Аглаи.

А Мишку после этого переставали называть наш «доставала», а называли просто... Колдун.

Галина ТАЛАНОВА

г. Нижний Новгород

Галина Таланова (Бочкова Галина Борисовна) – биофизик, кандидат технических наук, автор 9 книг стихов и 5 прозы. Член Союза писателей России. Имеет около 170 публикаций в журналах «Нева», «Юность», «Север», «Вертикаль. XXI век», «Сура», «Берега», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Аргатак», «Волга. XXI век», «Наш современник», «Новая Немига литературная», «Подъём» и др. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество книга!»

(Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (Германия, 2017). Дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ПОПЕРЁК РЕКИ

В марте мама начала таять, как сугроб, прямо на глазах. Почти всё время лежала неподвижно, откинувшись на подушку растрёпанной головой со спутанными, свалывшимися в клочья жидкими волосами и облизывая пересохшие, похожие на растрескавшуюся резину губы, обмётанные белой слизью, напоминающей пенку от молока. Забывалась, как зверь в дебри леса, в спасительный сон. Иногда вставала, долго нашаривала босыми отёкшими ногами со вздувшимися венозными буграми разметавшиеся тапки в мелкий аленький цветочек по чёрному полю, с большим розовым помпоном и, шаркая ими, брела в уборную, перебираясь по стеночке.

Будто горячее южное солнце хлынуло на её измученное лицо – и оно неожиданно разгладилось, как намокшая в брызгах морской волны ткань. Видела на её лице наступление того молодого страдальческого жара, полыхающего, как шиповник, вдруг расцветший опять по осени, обманутый затянувшимся теплом. С горечью и страхом неизбежного Вика понимала, что такой жар охватывает человека, когда ему нужно уходить.

Врачи говорили, что уже недолго... В больницу брать отказывались, отговаривались, что у них не богадельня. Вика не верила, вернее, как страус, пыталась зарыть голову в песок, чтобы не видеть приближающегося конца. Жила так, как будто ничего не изменилось и вся жизнь впереди. Будто сидела в лодке под проливным дождём в надежде, что дождь перестанет, наблюдая, как в лодке прибывает вода. Подумала о том, что маму потрясла смерть её самой близкой студенческой подруги, она словно взяла маму за руку и потащила за собой. Подруга эта была одинокой, хотя у неё был сын, но сын где-то беспробудно пил, наделал неподъёмных долгов, она его

боялась, пенсии не хватало. Ещё не старая женщина просто ушла в Волгу. Говорят, медленно шагала поперёк реки, тянущей вниз своим сильным течением. Вода прибывала с каждым её шагом, пока не покрыла её с головой.

Теперь Вика видит, как неторопливо поперёк реки жизни уходит под воду мама, а она продолжает стоять на берегу в столбняке, понимая, что этот уход отменить нельзя. Вот вода подбирается уже под горло, холодные брызги срываются в разгорячённое болезнью лицо.

Её лицо, шея, руки и спина были в фиолетовых пятнах, похожих на чернила, переливающиеся на солнце бензиновой плёнкой, но пятна были маленькие, точно у неряхи-первоклассницы, а не такие, как у умершего отца, когда его перевернули на живот: те были в половину спины и во весь затылок, похожие на гигантское родимое пятно. Казалось, что отец упал на чернику, которая сохла после мытья для того, чтобы быть протёртой на зиму с сахарным песком.

Уже почти не ела, но ещё глотала. Две чайные ложечки куриного бульона. Бульон тёк мимо пересохших губ, обмётанных сгустками слизи, похожими на студень, по чуть сморщенной коже, напоминающей кожуру недоспевших яблок, которые оставили на хранение на зиму. Запавшие глаза, подёрнутые мутной плёнкой тумана, и почти неподвижное тело, когда нет сил даже шевельнуть рукой, сменялись неожиданным живым блеском глаз, в котором читалось какое-то детское любопытство, и гиперреактивностью: оказывалось на полу одеяло, которое только усиливало огонь, бегущий по телу; был выдернут из тоненькой голубой, змеящейся под кожей вены, катетер для капельницы; был сброшен на пол пузырёчек с растительным маслом, что втирали в обезвоженные руки, с которых кожа сползает ошмётками, как после ожога палящим южным солнцем. Раздражение и ненависть к тому миру, который оказывается так несправедлив, – и тебе приходится уходить, сменялись тоскливым смирением и безразличием, когда человек висит где-то между явью и сном, западая, как волосок в часах, на который попало масло – и поэтому тот то останавливает, то убыстряет ход времени. Как ночной туман над дышащей теплом рекой набегаёт в одно мгновение, застилая картину мира, так сознание внезапно заволакивает сначала рваными ватными клочьями, а потом ровным беспроглядным маревом. И снова туман отступает:

– Я тебя люблю!

Исхудавшее ослабевшее тело с пролежнями на копчике, где кожа истёрта до мяса от резинок и лямок, как после сильного солнечного ожога. Вика промывает раны и мажет их мазью, уговаривая маму помочь ей и не переворачиваться обратно, как бы ни было тяжело лежать на боку и смотреть в стену, по которой летят ромашки, будто парашютики

одуванчиков по серому полю, похожему на потемневшее и готовое заплакать небо.

Всё когда-нибудь кончается. И жизнь тоже. Ещё чуть-чуть – и обломится, как высохший жёлтый лист, застывший в ожидании последнего порыва ветра.

– Ты моя любимая!

Лёгкий кивок в ответ, даже не кивок, а движение истончившимися веками, взмах ресниц, что слышала и поняла...

Постоянно вызывали скорую, чтобы сделать укол. Скорая ехать не спешила, приезжала часа через два. Укол начинает действовать тоже в течение часа. Мама мучилась, Вика звонила в скорую, ей неизменно отвечали: «Ожидайте!» – или, узнав её голос, просто бросали трубку. Приехав, выслушивали фонендоскопом, мерили давление, заполняли какие-то бумаги. Вика называла это «игра в больничку». Так играют дети. Укол делать не торопились, хотя больная стонала и до крови кусала губы, безумными глазами смотря на фельдшера. Вика уже знала, что по вызову скорой врачи почти никогда не ездят: фельдшер, а то и медсестра или медбрат, в лучшем случае студент мединститута.

Однажды приехали через три часа. Мама металась по кровати и выла, как собачонка с перебитой лапой, кусая от боли, грызущей её тело, словно крыса в той страшной спартанской пытке, скомканный мокрый пододеяльник. Махры пододеяльника пушились маленькой отцветающей хризантемой, побитой проливным дождём. Очень хорошенькая девушка с антрацитовыми волосами, заплетёнными в дреды, и с глазами, блестящими, как чёрный агат, в коротеньком заботливо наглаженном халатике, высунув розовый острый язычок и облизывая им ручку, полчаса заполняла какой-то важный журнал. Вика не выдержала и стала просить, умолять, требовать, чтобы та скорее сделала укол. Девушка была неумолима... И хотя мама неожиданно захрипела и закатила глаза так, что остались видны лишь розовые белки, казалось, облепленные мотылём, девушка продолжала что-то старательно писать почерком, который не прочесть. И только дописав, закрыла журнал, грациозным движением перекинув за спину дреды, спадающие ей на грудь смоляными верёвками, и вскрыла ампулу.

...Вика так устала за последний месяц, что она проваливалась в небытие, сидя на стуле рядом с мамой. ...Ей казалось, что она поскользнулась и упала на шпалы. Она слышит, как приближается поезд. Или это стучит её сердце? Она понимает, что встать и убежать она уже не успеет, но можно ещё изловчиться и лечь вдоль рельсов, вжимая лицо в шпалы, пахнущие битумом, мазутом и смертью. Камешки щебёнки, холодные и скользкие от мелкого осеннего дождя больно врезаются в щёку. Почувствовать на щеке щекотку травинок, пробившихся сквозь щебень.

Поезд приближается и грохочет всё громче и громче. Она лишь сильнее вжимается в землю, обмирая от ужаса и неизбежности.

Очнулась. Мама лежала с раскрытым ртом и перебирала пальцами по скомканной простыне, будто цеплялась за осыпавшийся грунт. Глаза её были полуоткрыты и почти бесцветны, словно высохшие в гербарии незабудки, которые оставили на память.

Вика ушла в спальню. Через полчаса она услышала из комнаты мамы резкий деревянный стук о спинку кровати, будто яблоко с ветки упало на крыльцо. Она почему-то сразу поняла, что это всё. Минуту сидела на кровати, собираясь с силами, чувствуя, что сердце, словно птенец, выпавший из гнезда, дрожит в траве, где его больше никто не ищет.

Наталья ТИХОНОВА

Курганская обл., г. Шадринск

Родилась в г. Шадринске Курганской обл. в 1966 г. Окончила Шадринский пединститут и медучилище; факультет теологии в Миссионерском институте (г. Екатеринбург). Работала педагогом, медсестрой, внештатным корреспондентом в местных СМИ, художественным руководителем, экскурсоводом. Участница «Движения за культурное возрождение г. Шадринска». Публиковалась в коллективных сборниках и альманахах. Финалист 2023 г. конкурса-проекта «Время посадить дерево», гринфеста «Остров надежды» (номинация «Малая проза»), проекта «Хранители прошлого.

Летописцы настоящего»; лауреат межрегионального литературного конкурса «Хозяин земли» (номинация «Эссе»); финалист Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ТАИСИЯ – ПУТЬ ВЕРЫ

Как я в церковь пришла? – Сын у меня заболел. Я думала-думала: «Чё делать?». А Господь намекнул мне, и я говорю: «Пойду я в церковь!». Я Богородицу знала, всё признавала, у меня икона была... Я ведь уж старенькая была, мне 60 лет было. Вот я как пришла в церковь-то, в Воскресенскую, а там отец Игорь. Ой, какие проповеди он читал! Какие проповеди! Дай Господи, ему Царство Небесное! Я к нему: «У меня вот так случилось, сын заболел». Он: «Надо Вам исповедоваться». А я грешная-прегрешная! Исповедовалась у отца Игоря же. И вот с тех пор, как я начала ходить, сыну-то полегче стало. Слава Богу! Батюшки есть батюшки, очень хорошие!

А потом, как открыли собор, к нам пришли и сказали: «Кто желает в этот собор идти?» Я сразу согласилась, меня почему-то туда поманило... А потому что я там сидела – в тюрьме. В 1944 году. Там колония была, в соборе нашем. Сбежала я с завода военного. Ну, ума нет: чё же, девчонка была шестнадцати годов! Как я прибежала, мама говорит: «Ах, Тася, я ведь надеялась на тебя!». Она всё переживала, что суд будет. Восемь лет грозила мне статья за то, что сбежала. Посадили меня, и я сидела в соборе 10 месяцев. Нас было 300 человек в церкви: указники и кого только не было: старушки за колоски сидели, по два года им давали...

Бригада у нас молоденька, «режимная» называлась. Где ни тяжелее, туда нас и толкали: лёд долбили, разгружали мешки большущие. А в чём я ходила, не поверите! – деревянные ботинки, ни портянок, ни чулков, ни штанов. Зимой! И всё перенесла! Наверное, у меня мама замаливала всё. А отец только услышал, что посадили меня, а он на войне был, написал: «Терпи, Тася, терпи, матушка!» Только терпеть велел. Может, и он молился.

Он без молитвы спать не ложился – вот такой был верующий. А мать его ещё больше была верующей, бабушка Анна; дай ей Господи Царства Небесного! Может, я в их пошла. Она меня маленькую к причастию водила. Учила меня «Богородицу» читать. Так вот, я всё время матушку Богородицу и читала. Может, она меня и спасла! И так я просидела 10 месяцев, война закончилась. И меня выпустили. Без суда.

Я много пережила. И вот живу... Так, видно, Господу Богу угодно!

И вот я сразу в собор пришла. Пришла, а он весь разбитый! И прямо страшно стало, ой, страшно: одни ямы, да все стены избитые... Потом лесá поставили. Отец Анатолий, покойная головушка, первый самый был настоятель, Царства ему Небесного!..

Потом отец Владимир приехал. И вот он приехал и сразу взялся! И вот я с им до кра́я, до этого самого места и была. Поставил меня батюшка над женщинами; много они трудились, таскали кирпичи, укладывали дорожки. Ни слова не говорили! Сколько сраму выгребли из-под пола! Как только батюшка объявит: «Надо сделать вот так» – и делаем! Вот придёт праздник, Пасха Христова, надо чистить подсвечники, лампы. У меня старушек много было: «Мы придём! Мы придём!»

А вот ещё: я любила свечки ставить на подсвечнике. Говорю: «Батюшка, благословите меня свечки ставить». Он меня благословил. Как суббота вечер – бегом бегу, сажуся на автобус и к вечерней! Бегу в церкву, у меня только цёрква на уме! Прибегаю в церковь – и скорей к свечам своим. Поверите ли вы мне, что у меня душа так болела к церкви! Вот Господь и послал мне...

Во две тысячи втором году всё у меня сгорело! Полностью! И кухня, и сѣнки, и чулáнки, и крыша – всё сгорело! Вот какую Господь мне дал скорбь! Сосед всё сожѣг. У нас же был на две половины домик-то. И вот у нас запластало в час ночи! «Спасите! Спасите!» Всё до тряпки сгорело у меня. Дедушка мой через пять месяцев помер – он не смог перенести, у него инфаркт был тяжѣлый. И одна я осталася. Сын в деревне работает, ему некогда. А вот Господь мне и помог!

И я поднялась, э́ко место! И Господь мне работников послал дешѣвых. Лесу нам Господь послал с работы. А батюшка Владимир помолился да попросил у прихожан! Дай ему Господи доброго здоровья! Все помалѣньку – и 10 тысяч наложили! Разве это не недостаток мне?! Так вот опять же, разве это не Господь мне помог?

Чѣ я не пережила уж! Видно, Богу так угодно. Если б не Господь, меня бы давно не было, и не тут я была бы. Не в церкви бы.

Отец Дмитрий к владыке Владимиру меня подвѣл: «Это самая старшая и самая она первая тут, – говорит, – была, батюшке всё помогала». Я говорю: «Этот собор мой!» А владыко говорит: «Нет, не твой – Божий». Я говорю: «Ну, простите меня, старую! Но я его люблю и любить буду! Потому что

я уж старая стаю, но я его никогда не забуду!» И батюшка стал говорить, чем я занималась: просфоры стряпала, старостой была... Из меня, конечно, ничего не получалось, но я помогала ему всё равно малёнько. А потом владыко говорит: «Хорошо, Вы заслужите на том свете хорошее!».

Вот такие дела. Так я и служила до две тысячи тринадцатого года. Облачением занималась; водичку святили – дак воду таскала. Всё делала... А потом старая стала, немощная... На восемьдесят шестом году стала видеть плохо, так в две тысячи тринадцатом году закончила ходить. А куда я пойду? Кто меня станет возить? Вот и всё. Но всё-таки собор до самой моей смерти – мой, он у меня в груди!

Батюшка Владимир ко мне домой стал ездить... Каждый пост! Если я только сказала... Одним словом сказать – отец! Очень хороший! А матушка-то какая Надежда! Ой, дай Господи доброго здоровья! Вот знаете? Матушка-то: всегда-то она всех пригласит и со всеми-те поговорит... И такая она унорóвленная, такая она приветливая... И она до сих пор ходит меня поздравляет с днём рождения! Дай же им Господи доброго здоровья!

Вот так я и живу... Я благодарю Господа за всё! – потому что Господь дал мне и терпение, и смирение... Мне не надо никакого богатства. У меня ничего нету! И мне не надо. И сын у меня такой. Ему всё не надо. Ну, и слава Богу! Шибко я благодарна Господу Богу!

Всё, что доброе было, всё тут у меня в груди. Всех людей этих – за всех нужно молиться! И за врагов – ещё пуще надо молиться.

(Потысьева Таусия Александровна, 1927 г.р., одна из самых первых прихожанок, которые восстанавливали Спасо-Преображенский собор в г. Шадринске)

Роман ТОЧИЛИН

Самарская обл., г. Тольятти

Родился 27 октября 1959 года в городе Павлово Горьковской области. Учился в Тульском Политехническом институте. С 1982 года живёт в Тольятти. Публиковался в периодических изданиях и межавторских сборниках Москвы, Самары, Тольятти, Киева, Минска, Саратова. Был одним из литературных редакторов крупного литпортала Графоманам.нет. Один из основателей и руководителей литсообщества «Литмарафон_Шедевры_Самоизоляции» на базе популярной социальной сети. Лауреат и дипломант сетевых конкурсов, в т.ч. конкурса газеты «Истоки» (Уфа) «10 стихотворений месяца», лауреат всероссийских поэтических конкурсов «Человеки и коты» (2023), «Сезон дождей» (2023), победитель общегородского слэма (2024), финалист Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ПОСЫЛКА

Курьер был молод. Неприлично молод. Совсем мальчишка – чистенький, кудрявый, румяный. Просто ангелочек.

Сергей Иванович мысленно усмехнулся. Вот и настало время, когда про чей-то возраст он может сказать: «Неприлично молод». Или молода. Он мельком глянул в зеркало. На фоне розовощёкой юности неухоженные космы и седая щетина смотрелись впечатляюще. Постричься бы, конечно, не мешало, но это уже на следующей неделе, после пенсии. Ну хотя бы побриться...

Клава всегда стригла его сама. Это был ритуал. «Развёл бурелом», – укоряла она, нежно ероша его буйную шевелюру, и из нижнего ящика стола появлялись ножницы, специальная расчёска, ручная машинка и белый квадрат старой простыни с пришитыми тесёмками. Сергей Иванович зажигал люстру, ставил стул напротив большого зеркала на платяном шкафу, Клава выходила из ванной, держа вымытые руки вверх, как хирург, и, притворно хмурия брови над еле сдерживаемой улыбкой, говорила: «Садитесь, пациент»...

Сердце привычно сжало и отпустило.

Сергей Иванович вздохнул и очнулся. Курьер что-то говорил.

– Простите, задумался. Что?

Курьер улыбнулся и терпеливо повторил:

– Сергей Иванович Игнатъев?

Хорошая у него была улыбка. Добрая и открытая.

– Так точно! – отрапортовал Игнатъев и улыбнулся в ответ – как смог,

– Вы посылку принесли?

– Ага, – курьер огляделся.

– Сюда, на тумбочку, – засуетился Игнатъев.

– Паспорт, пожалуйста – и вот, распишитесь.

Он коротко глянул в протянутый паспорт, подсунул квитанцию, дождался, пока выведенная дрожащей рукой подпись появится на бумажке, и сказал, складывая квитанцию:

– Это мне.

И, указав на коробку:

– А это – вам.

Хозяин похлопал себя по карманам и, смущаясь, протянул монетку – десять рублей. Мальчишка посмотрел недоуменно, потом лицо его разгладилось, он принял монетку, пробормотав – спасибо, пригодится, – ещё раз улыбнулся и попрощался:

– Всего хорошего! До свидания.

Игнатъев закрыл дверь и некоторое время, по старой учительской привычке, въедливо размышлял: почему – «До свидания»? Они что, ещё увидятся? Вздохнул, укоризненно покачал головой и потащил коробку в комнату.

Сегодня утром ему позвонили из почтового отделения и сообщили, что на его имя пришла посылка. Сергей Иванович удивился и попросил уточнить. Посылок он давно не ждал, некому и неоткуда было посылать. Его заверили, что всё правильно, именно ему, и неожиданно предложили доставить на дом, если затруднительно получить на почте. И тут же в ответ на только рождающийся вопрос, проинформировали, что услуга бесплатная, в рамках какой-то экспериментальной программы. Игнатъев пожал плечами и согласился. Там спросили, когда удобнее – и вот, пожалуйста.

Обратный адрес он не разобрал, напечатано было очень мелко: то ли райпотребсоюз, то ли какое-то районное отделение... Может, кто-то из бывших учеников?

В коробке сверху лежал лист бумаги. Игнатъев внимательно осмотрел его со всех сторон – вдруг письмо? – но это был просто чистый лист бумаги, тонкой, словно папиросная, приятно шуршащей под пальцами.

А под ним...

Сначала Игнатъев не понял. Потом понял, но не поверил. Потом поверил и изумился – откуда? Старая, очень старая пожелтевшая фотография. Которую он считал давно утерянной в многочисленных переездах и бурных водоворотах жизни. Мама – молодая, в простом платице в горошек. Прибранные волосы под косынкой, усталое улыбающееся лицо. Отец, такой же молодой, необычайно серьёзный, в мешковато сидящем костюме, с величайшей осторожностью держит в руках свёрток, откуда высовывается крохотное сморщенное личико

с закрытыми глазами. Сзади, фоном – подъезд с колоннами, над ним кусок вывески «...РОДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ...».

Игнатъев перевернул фотографию. Некогда чёрные чернила выцвели и порыжели, но всё ещё читалось выведенное каллиграфически: «Ирина, Иван, Серёжа Игнатъевы. 28 мая 19...».

Сергей Иванович трясущейся рукой положил фото на стол. Ещё фото, тоже старое: малыш в ползунках, на ковре. Тетрадь в сиреневой обложке из грубой бумаги, округлые неуверенные буквы: «...ученика 2-го А класса Игнатъева Сергея».

Что-то твёрдое. Ножик, любимый складной ножик с маленьким лезвием и рисунком ракеты на плашке, безутешно потерянный в пионерском лагере. Снова фото: шумная ватага, хохочущие девчонки, длинноволосые юноши, серое бескрайнее поле. Это на картошке, в институте.

Он перебирал вещи, вещицы, бумаги, уже не удивляясь, и вспоминал, вспоминал... Фото: первый день в новой школе, учитель ненамного старше своих учеников. Чешский цанговый карандаш с тоненьким сменным грифелем и прозрачным окошечком, сквозь которое видно было, сколько осталось запасных стержней. Клава – юная, задорно смеющаяся, с дерзко торчащими косичками. Это на танцах, в клубе. Шипастая морская раковина. Горячий южный полдень, ослепительно бликующее море до горизонта, белая бумажка на облупленном от загара носу... Колечко. Простое обручальное колечко, тонкое, красновато-рыжее. Откуда? Оно же было у неё на пальце, когда...

Сердце снова сжалось.

Кажется, за четыре года можно бы уже привыкнуть. Он и привык. Точнее, свыкся. Всё равно саднило.

Последние дни она почти не говорила, просто лежала и смотрела на него огромными на исхудавшем лице глазами, и в них ещё плескались остатки той синевы, в которой он утонул навсегда при их первой встрече. И только перед самым концом, перед тем, как уйти, разомкнула губы и что-то прошептала. Игнатъев заспешил к кровати, наклонился, но не разобрал ни слова. Последний раз его щёку тронуло её слабое дыхание... И она ушла.

Сердце сжалось ещё сильнее, пропустило удар, Игнатъев задохнулся, слабой рукой потянул ворот рубахи, прошаркал к балкону, распахнул дверь. Свежий майский ветер ворвался в комнату, колыхнул шторы, хрустально прозвенел подвесками на люстре.

Игнатъев с натугой вдохнул прохладный, пахнувший весной воздух. Отпустило.

За спиной зашуршало. Листок тонкой бумаги, поднятый сквозняком, трепеща, сделал круг по комнате и приземлился прямо в протянутую ладонь. Теперь на нём чернела надпись. Игнатъев взгляделся. До боли,

до слёз знакомый почерк. Четыре слова. Те, что не расслышал тогда в прощальном шёпоте.

...НЕ ТОРОПИСЬ... Я ПОДОЖДУ...

Игнатъев выпрямился и посмотрел в изумительно синее весеннее небо, туда, где светило над городом яркое майское солнце. Он смотрел прямо на солнце, не мигая, и глаза не жгло и не слезило, и ему казалось, что его подхватывает и несёт, что он растворяется в этом всепоглощающем свете. Встало перед глазами прекрасно молодое лицо жены, откуда-то сбоку ласково улыбнулся кудрявый мальчишка-ангел, мир стремительно повернулся...

Сергей Иванович Игнатъев взмахнул руками и упал в небо.

Марина ХАРЛОВА

Татарстан, г. Набережные Челны

Родилась в Елабуге. В 1981 году окончила государственный педагогический институт. Работала школьным учителем в Набережных Челнах. Член Литературного творческого объединения «Лебедь» при Дворце культуры «КамАЗ» (руководитель Ольга Кузьмичёва-Дробышевская). Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Новое слово», «Проза мира»: проза и поэзия о природе мира и человеческой душе; в электронном журнале «Littera» (2023) и др. Имеет диплом III степени за участие в Международном литературном конкурсе «Лебеди над Челнами-2023», финалист Международной литературной премии «ДИАС».

ВЕРНОСТЬ И ОТВАГА

Вода пришла ночью.

Зевс открыл глаза и, не меняя позы, с сонным равнодушием наблюдал, как из-под забора появилась лужа и, разрастаясь, стала подбираться к будке. Сырой студёный запах ударил в нос. За воротами что-то монотонно зашумело и заворочалось. Чужак? Зевс стряхнул сон; загремев цепью, вскочил на ноги и залаял. По всей улице, подхватив эстафету, забрехали его сородичи.

Открылась дверь. Появился хозяин, готовый прикрикнуть на пса, но, увидев, как нижняя ступенька крыльца буквально за две секунды скрылась под водой, длинно выругался и вернулся в дом.

Пол в будке тоже начало заливать. Зевс запрыгнул на её плоскую крышу: он частенько лежал там раньше, наслаждаясь более широким, чем с земли, обзором.

Несмотря на ночное время, жизнь на улице бурлила. Машины наполнялись людьми и, нагоняя бамперами на заборы волны, направлялись в сторону города. Проехала тяжёлая техника. Строгий уставший голос, усиленный громкоговорителем, призывал жителей покинуть дома. Зевс с тревогой наблюдал за суетой и не понимал, почему хозяин больше не выходит на крыльцо. Решил не поддаваться панике и остаться?

Когда будка оказалась полностью в воде, Зевс перепрыгнул на покрытые плёнкой стройматериалы, которые аккуратным штабелем подпирали стенку пристроя. Хорошо бы на сарайчик запрыгнуть, но длины цепи не хватит. Да и не по возрасту Зевсу покорять такую высоту: тяжёлый стал, ленивый. Он вспомнил, как его щенком подбросили к воротам этого дома. Хозяин принял сироту, вырастил, никогда не обижал. Хоть цепь и ограничивала передвижение, но позволяла бегать вдоль натянутого через участок троса, и Зевс любил наблюдать за рыбками кои в искусственном

пруду. Иногда он приносил им в пасти еду и умилялся, повизгивая, как они жадно её растаскивают. Ну, чисто пираньи!

В животе заурчало. Вот бы сейчас каши на курином бульоне с косточками... В доме тихо. Наверное, хозяин с семейством покинул двор через заднюю калитку, которая выходила на соседнюю улицу. Но почему он забыл про своего верного стража? Неужели предал?

Между тем под водой скрылись не только забор, но и стройматериалы, на верхушке которых ютился Зевс: не сесть ему теперь, не лечь.

Вдоль улицы плыл всякий мусор. К сараю прибило похожий на неряшливое воронье гнездо островок из веток и прочего сора. В центре островка высилась какая-то штука. Приглядевшись, пёс узнал пластмассового коня. На нём катался мальчуган из дома на окраине, куда хозяйка каждую неделю ходила за молоком, попутно прогуливая Зевса. Но что это за меховая шапка прилепилась к игрушке? Вдруг шапка жалобно мякнула. Ба!.. Да это же тот наглый котяра, который совсем не боится собак! Каждый раз он докучал Зевсу тем, что тёрся о его ноги то своей усатой мордой, то мохнатым задом, щекоча Зевсу нос пушистым хвостом. Кот снова мякнул. Что тут скажешь? «Терпи и надейся, – гавкнул в ответ пёс. – Ты хоть сидишь на сухом, а я в воде по колено, задних ног уже почти не чувствую».

Ночью приплыли чужие.

Сначала Зевс принял их за спасателей, но двое на лодке оказались банальными мародёрами. Он гулко залаял, надеясь спугнуть воришек, но не тут-то было. Неизвестные приладились к окну и стали по нему чем-то колотить. Тогда Зевс бесстрашно бросился в воду. Он был хоть и старой, но большой собакой. Лёгкая алюминиевая цепочка не затруднила движение, и, доплыв до лодки, Зевс вонзил клыки в её резиновый бок. Воры из-за производимого ими шума не сразу поняли, что произошло. А когда разобрались, один из них безжалостно ударил веслом по собачьей голове. Оглушённый пёс ушёл под воду. Незваные гости, поняв, что на подтопленной лодке ничего тяжёлого не увезёшь, не солоно хлебавши отправились восвояси.

Зевс очнулся от острой боли. Это кот отважился доплыть до собаки, вцепился зубами ей в ухо и даже попытался отбуксировать на место. Однако пёс нашёл в себе силы шевелить ногами и самостоятельно добрался до строительной груды. Стряхнув воду со шкуры, Зевс посмотрел на усатого спасителя: «Спасибо, друг». Тот невозмутимо вылизывался, покачиваясь на своём ненадёжном убежище.

Ноги не держали. Зевс сел на задние лапы прямо в ледяную воду. Поспать бы, но куда там... Где теперь его прежняя счастливая жизнь? Тёплая конура с мягкой подстилкой из свежего душистого сена? Охота за белками

в лесу? А как он любил резвиться в лужах после дождя! Век бы теперь эти лужи не видать!..

Над горизонтом занялась несмелая заря. Она словно стыдилась за беспредел, устроенный природой, хотя сама была её частью. Островок с котом исчез: видимо, пёс всё-таки задремал и не заметил, как «гнездо» унесло течением.

Хмурое утро огласил протяжный тоскливый вой...

Днём за Зевсом приплыли. Он уже практически ничего не видел, но узнал большие сильные руки, взявшие его в охапку, узнал крепкий табачный запах, идущий от куртки, и низкий хрипловатый голос.

– Извини, брат, не до тебя было.

Зевс из последних сил лизнул хозяина в щёку: «Извиняю...»

Родился в г. Дивногорске 4 мая 1974 года. Окончил биологический факультет СПбГУ, работает ведущим инженером Научного парка СПбГУ. Участник литературного клуба «Принестье» при СПб отделении СПР. Публиковался в коллективных сборниках и альманахах. Финалист литературной премии «Наследие-2023», лауреат Творческого конкурса «Пробуждая сердца» памяти В.С.Ланового (2024), финалист Международной литературной премии «ДИАС-2024».

ДВА КОМАНДИРА. ФРАГМЕНТ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Был у меня сосед по даче, ветеран Великой Отечественной войны, дослужившийся впоследствии до звания полковника, Михаил Андреевич Лавров. Я знал его как интересного крепкого деда, остававшегося таким почти до самой смерти, которая настигла его прямо на пороге девяносто четвёртого года жизни.

Он действительно удивительно молодо выглядел для своих преклонных лет. Его лучистое округлое лицо не было испещрено морщинами, приличествующими возрасту, и периодически гораздо более молодые бабульки в поликлинике с завидным упорством оспаривали право ветерана пользоваться заслуженными льготами, утверждая, что быть такого не может и он слишком молодой, чтобы их иметь.

Не раз беседовали мы с соседом, ведь наши участки в то время не разделял даже условный забор и в гости друг к другу ходили совершенно запросто, без приглашения. А когда речь заходила о делах давно минувших дней, я поражался внутренней силе бодрого пенсионера и его удивительной судьбе. Ведь приходилось Андреичу не только участвовать во многих сражениях и быть военным комендантом немецкого города, но и достаточно долго командовать штрафниками, которые не только приняли молодого командира, но и потом не раз закрывали его от пуль и осколков своими телами. Это при том, что чаще всего для вновь назначенного начальника командование в подобных подразделениях, сформированных из разномастных преступников, угрюмых уголовников и часто вполне натуральных убийц, заканчивалось во время ближайшего же боя, когда пытавшийся утвердиться на новом месте офицер получал «случайную» пулю из старой доброй трёхлинейки, нередко в спину. Крайних даже не пытались искать, лишь фиксируя безрадостную статистику, и оформляя всех погибших, как боевые потери. Штрафников не жалели, направляя

в совершенно безнадежные атаки, и ставили на самые сложные участки фронта.

Но расскажу всё же не об этом, а об одном моменте Сталинградской битвы, наиболее меня впечатлившем, что сохранился в памяти в виде яркой образной картинки.

Было это ближе к концу противостояния, когда части немецко-фашистских оккупантов уже уверенно выбивались нами из разрушенного почти до основания Сталинграда. Потери с обеих сторон были чудовищны, и выжившие в этой кровавой мясорубке фрицы справедливо не рассчитывали на пощаду, отбиваясь из последних сил с отчаянной храбростью крысы, загнанной в угол. Терять им было уже нечего, кроме самой жизни, а её, как и положено настоящим арийцам, они собирались отдать максимально дорого. Боевых товарищей, более слабых духом или просто менее везучих, машина войны прямо на глазах сослуживцев вместе с формой и оружием методично перемальвала в отвратительный остро пахнувший фарш. Чудом уцелевших подобная участь пока миновала, но явно подкарауливала в непосредственной близости. И где-то в глубине души солдаты рейха, конечно же, ещё хотели жить, но немецкое командование уже цинично списало их в расход, приготовившись награждать посмертно заранее выпущенными красивыми железными медалями. Вальхалла искренне ждала и готовилась к встрече, широко распахнув свои манящие окованные чёрным железом ворота. Ей нужны были новые мёртвые герои, и она была готова принимать их целыми подразделениями. Как следствие, в руинах и без того практически уничтоженного города шли ожесточённые и кровопролитнейшие бои. За каждый отвоёванный метр приходилось расплачиваться непомерной ценой здоровья и жизнью наших советских солдат, чьих-то братьев, сыновей и отцов.

И тогда, волею неисповедимого военного случая, где-то на временно «ничейной» территории, в каком-то закутке ещё сохранившихся остатков построек, лицом к лицу неожиданно столкнулись два офицера. Два кровных врага, один на один, и ни один из них в этот момент не был готов к такой встрече. Не было оружия в руках ни у того, ни у другого, а даже малого времени, чтобы дотянуться до офицерской кобуры или ножа, тоже не оказалось.

Завязалась рукопашная схватка и выяснилось, что силы примерно равны. Немец был в самом расцвете сил, крупный и жилистый и дешево отдавать свою жизнь он никак не собирался. Силы таяли, а явный победитель всё не определялся. И тогда пришлось прервать безрезультатную борьбу и снова тянуться к пистолетам. Русский успел выхватить свой на мгновение раньше. Немец понял, что уже не успевает и обречённо приготовился принять смерть. Храбро, как солдат и офицер,

и вполне заслуженно, как захватчик, застигнутый с огнём и оружием в чужом доме.

Вот-вот должна была свершиться вековечная суровая справедливость скорого суда войны. Но выстрела почему-то не прозвучало. Впрочем, не прозвучало и звука осечки. Молоденький советский лейтенант, выравнивая сбившееся дыхание, рассматривал германца, продолжая держать его на мушке. Палец уверенно лежал на спусковом курке. Было понятно, что рука не дрогнет. Убивать врага давно стало привычным. Горячка скоротечной борьбы потихоньку отпускала. Можно было попытаться поговорить...

Слова, которые услышал немец, его потрясли. И даже не тем, что были сказаны по-немецки. Многие офицеры красной армии изучали в школе и на курсах немецкий язык, что давало им возможность более-менее сносно связать на нём пару слов. А уж что-нибудь вроде «Хенде хох» выкрикнуть мог практически любой красноармеец. Но русский офицер произнёс хоть и небезупречно, но вполне понятно, достаточно длинную фразу, которую можно было бы пересказать примерно так: «Я не буду тебя убивать. Иди к своим и скажи, что если они захотят сдаться, то я прикажу своим солдатам не стрелять. Смертей и так очень много. Я не хочу терять своих бойцов, и у вас тоже появится шанс выжить. Но другого шанса не будет. Ты меня понял?».

Немец ошарашенно кивнул, что-то пробормотал в смысле, что всё понимает, и передаст, недоверчиво попятился к выходу. В его голове не укладывалось – почему? Как можно отпустить врага, который стрелял в тебя, возможно, убил или покалечил твоего друга, а теперь находится полностью в твоих руках? Да успеет он выхватить свой проверенный *вальтер* чуть раньше, не было бы ни этого ненавистного русского, ни этих, казалось бы, неуместных в это время и в этом месте, слов. Они возвращали почти истаявшую болезненную надежду на то, что погибать не обязательно. Это выглядело злой шуткой или каким-то неестественным обманом, в который так хотелось бы верить, но который просто не мог быть правдой. Уходя, германский офицер долго ждал выстрела в спину. Некоторые считают, что стрелять в человека проще, когда не видишь его глаз. Но русский так и не выстрелил...

А на следующий день в рваных шинелях и окровавленных повязках, но с какими-то невообразимыми кусками когда-то белых тряпок, из развалин домов, сначала робко, а потом чуть смелее, стали выходить и выползать усталые и измученные немцы. В них действительно не стреляли. В результате целая улица (!) была освобождена вообще без потерь с нашей стороны. А Вальхалла в тот раз так и не дождалась части своих героев...

Казалось бы, что значит всего одна улица в масштабе целого города? Да и наше командование, хоть и похвалило сдержанно за успехи в продвижении и отсутствие потерь, почему-то не поспешило применять метод широко. Из каких-то своих важных соображений. Война продолжалась. В ней оставалось место и крови, и ненависти, а причин для этого, разумеется, было более чем достаточно.

Всего один момент войны, но может быть, именно благодаря такому моменту кто-то из наших ветеранов смог дойти до Победы и увидеть детей и внуков, как увидел их главный герой этого повествования. И как знать, возможно, где-то далеко какой-нибудь древний седой немец с уже едва заметными следами былой выправки мог бы рассказать эту же историю, но описанную с другой стороны, своим внукам и правнукам.

Вместо послесловия:

О память, ты так коварна и избирательна. Подчас ты можешь не сохранить каких-то следов событий прошлого, а порою способна живо продемонстрировать и то, чего не было, собрав совершенно реалистичную цветастую картинку из фрагментов прошлого и обрывков, проникших откуда-то извне образов. Или это уже плоды партизанской деятельности воображения? Действительно, многое из вышеописанного на проверку оказалось лишь плодом вольного творческого переосмысления воспоминаний о беседах с вполне реальным человеком. Даже имя его я не стал изменять.

А вот командир немецкий стал образом уже собирательным. Но, справедливости ради следует указать, что в документально зафиксированном случае, произошедшем в полуразрушенном доме между балкой Мокрая Мечётка и Тракторным заводом, события развивались похожим образом, но всё же чуть иначе: Ворвавшийся в здание командир увидел перед собой трёх здоровых немцев и скомандовал им «ХендеХох!». Один из немцев тут же схватил его за шею и ударил головой об стену, одновременно пытаясь вытащить пистолет, но русский оказался живучим и немного проворнее, всё же сумев выстрелить первым. Двое не вмешивались и не проявляли агрессии, что дало возможность отдышаться. На вопрос, кто они, ответили: «Мы врачи и против русских не воюем». Медики были отпущены с соответствующим напутствием. Потом, спустя некоторое время, было ещё трое пленных, с ними обращались вежливо, их накормили, а потом тоже отпустили.

...Позже, при подсчёте в штабе выяснилось, что было освобождено множество зданий по обеим сторонам улицы, а колонна пленных, взятых «штрафниками» сто девятой отдельной штрафной роты, начитывала до трёхсот пятидесяти немецких солдат и офицеров. Предложение о награждении званием Героя Советского Союза по известным причинам отклонили, но зато, как признание заслуг, был торжественно вручен почётный боевой Орден Красного Знамени.

Лев ЧЕРКАШИН

Камчатский край, г. Елизово

Режиссёр, поэт, педагог. Родился в 1992 году в городе Елизово. Образование – высшее (Санкт-Петербургский государственный институт культуры, кафедра режиссуры и мастерства актёра). С 2017 года занимался педагогической, театральной и литературной деятельностью в г. СПб. В 2023 году по приглашению вернулся на Камчатку в качестве режиссёра-постановщика. Победитель Чемпионата поэзии им. В.В. Маяковского (СПб), лауреат Открытого театрального фестиваля «Играем Шекспира» (СПб), победитель фестиваля-конкурса «Звучащая поэзия» им. З.В. Савковой (СПб), лауреат VIII Всероссийского открытого литературного конкурса «На благо Родины», Международного литературного конкурса «Гайто», Городского конкурса художественного слова им. О. Берггольц «Мы в этом городе живём» (СПб), финалист Международной литературной премии «ДИАС».

СЭНДИ

Пожелтевшие деревянные рамы домов по-прежнему видны мне с детской площадки на знакомой улице. Тётя Маша всё еще выставляет на подоконник горшки, именуемые «кашпо», в которых цветут фиалки. Она заботится о цветах лучше, чем о себе. На скамейке, точь-в-точь, как Виталий Филиппович – наш сосед, вальяжно лежит бездомный лохматый пёс и во сне подрагивает лапой. Что ему снится?

Старый двор околдован воспоминаниями: скрипящими дверьми, за которыми прятались друзья детства во время игры в прятки, нескошенной травой, летним солнцем. Оно сегодня стало другим. Сейчас оно слепит глаза, а не освещает заасфальтированную детскую площадку, расчерченную украденным из школы мелом на прямоугольные параллелепипеды, где можно поиграть в «квадрат» при наличии звонко прыгающего, но потрёпанного мяча. Он постоянно улетал то в сторону качелей, то прыгал в песочницу, то бился о спинку запыленной скамейки, из-за чего на ней никто не сидел. По крайней мере, я этого не видел.

Подъезд дома напротив, где жила Сэнди, с тех времён обжился домофоном и ржавым козырьком. Сэнди – забавное имя для русской девочки. Она часто играла с нами на этой площадке, если мы, мальчишки, толпой собирались под окнами её квартиры на первом этаже и хором кричали: «Сэнди, выходи! Сэнди, выходи!»... «Тише вы! Ну, чего орёте. Сделает уроки и тогда выйдет», – отвечала с балкона её мать. У неё были седые волосы, как мы думали, хотя это было всего лишь мелирование. Женщину в тридцать лет природа бережёт от седины.

Открывалась дверь, и к нам выбегала Сэнди. Растрёпанная, видно, что собиралась второпях, курточка синего цвета нараспашку, а на указательном

пальце во время неловкого рукопожатия было чернильное пятнышко. Но с нами она была другой – это была Сэнди-пацанка.

Через дорогу от наших домов, стоящих параллельно друг другу, будто начерченных прилежным учеником, стояли ряды гаражей. В то время они не были зажаты бетонными заборами, и не размахивала вверх-вниз на пропускном пункте рука шлагбаума. Мы забирались по петлям на крыши гаражей, проверяли на прочность их жестяные крыши, устраивая гонки. Сэнди никогда не уступала нам в ловкости. Если честно, расстояние между гаражами было небольшим, особого риска не было, но тогда – будь расстояние меж ними, как от Земли до Луны – мы всё равно сделали бы прыжок.

«Квадрат», гаражи, пятиэтажная коробка недостроенного дома, где можно было творить свой мир, отделённый от школы, от родителей, от окружающей действительности, ссориться, мириться, дружить, когда наступали сумерки, расходиться по домам, где ждал бесхитростный, но самый вкусный ужин – вот наше детство.

Было раннее утро выходного дня, когда меня растолкала мать: «Вставай. К тебе пришли». Это была Сэнди. Спросив разрешения у родителей, которые были удивлены столь несвоевременным визитом, я вышел к ней.

Прохладное майское утро было непривычно тихим. Сэнди была сама не своя – тараторила непомерную чушь, а потом, она взяла меня за руку со словами: «Пожалуйста, делай, как я говорю». Спросонья противиться просьбе друга сил у меня не было. Мы подошли к скамейке. Она оказалась удивительно чистой.

Сэнди немного склонила голову и сказала:

– Я сегодня не спала. Мне захотелось что-то хорошее сделать напоследок.

– В смысле? – зевнув, спросил я.

– Теперь на ней вы с ребятами сможете сидеть после игры в ваш «квадрат». Пусть скамейка будет такой всегда.

Почему в «ваш», а не в «наш»? Напоследок? Понимание ко мне пришло не сразу после того, как я подумал, что скамейка всё равно запылится.

– Напоследок?

– Мы уезжаем, – проговорила она, не отпуская мою руку.

Это будто была не Сэнди, а незнакомый человек, желания которого – ничто перед обстоятельствами.

– Вещи собраны. Отец с мамой сегодня остались у друзей. Скоро приедут. Они прощались. Я тоже прощаюсь. Так заведено. Правда? Заведено прощаться.

Тогда я впервые увидел на её глазах слёзы. Когда она упала с гаражей и ушибла ногу, после чего хромала полторы недели, Сэнди смеялась и говорила, что похожа на старуху и в шутку просила дать ей трость. Теперь же было ощущение, что она держится за меня, пытаюсь сохранить мир, в котором жила.

– Это навсегда? – я спросил.

– Не знаю.

Она подвела меня к песочнице и зачерпнула горсть песка:

– Отец не рассказывал мне, почему меня так называли. Он редко бывал дома – вечно в разъездах по границам, но я искала ответ. Я нашла его, понимаешь?! Сейчас я нашла его. Но мне он не понравился! Смотри.

Немного раздвинув пальцы, она выпускала песок из горсти, и он неловко высыпался на асфальт площадки. Сэнди отпустила мою руку, отряхнула ладони, медленно отвернулась и проговорила:

– Дурак.

Ошеломлённый, я стоял, будто кнехт, точно каменный истукан. Она резко подошла ко мне и поцеловала.

– Скажи мне «прости», – попросила Сэнди.

– Прости.

– Скажи мне «прощай».

– Прощай, Сэнди, – сказал я и сам не понял, как обнял её.

В тот же день они уехали, не оставив адреса. Для дворовой компании ничего не изменилось. Только я уже был не с ними. Ушёл, как уходит песок сквозь пальцы.

Иногда я возвращаюсь пешком в прошлое – трамваи и троллейбусы в этом не помощники. Пересекаю проспект, прохожу улицы и захожу во двор с пожелтевшими рамами, где тётя Маша всё еще выставляет на подоконник горшки, именуемые «кашпо», в которых цветут фиалки. На скамейке, точь-в-точь как Виталий Филиппович – наш сосед, вальяжно лежит бездомный лохматый пёс и во сне подрагивает лапой.

Я подхожу к той самой скамейке, достаю из сумки влажные салфетки, навожу чистоту, сажусь, и память о былых днях открывает для меня двери. С течением лет быль и явь перемешиваются, превращаясь в сказание, в сказку. А кто решил, что у сказки должен быть счастливый конец?